

Викинг

Автор:

Александр Мазин

Викинг

Александр Владимирович Мазин

Викинг #1

Главный герой, мастер спорта России, мастер исторического фехтования, коллекционер холодного оружия и большой любитель всего средневекового оказывается там, где его таланты – не хобби, а наилучшее средство выживания. Без них ему пришлось бы совсем худо, а с ними – просто нелегко. Но он – мастер. Вдобавок человек веселый, общительный и с чувством юмора. Это очень помогает, если вокруг тебя – самые грозные воины человеческой истории.

Новый проект автора «Варяга» и «Варваров» Александра Мазина.

Знакомьтесь, Ульф Черноголовый!

Викинг.

Александр Мазин

Викинг

Глава первая,

которая, собственно, является одновременно началом и завершением истории дренга[1 - Дренг - младший воин скандинавской дружины.]Ульфа Черноголового

Норег[2 - Норег - норвежец. Древний. Соответственно дан - датчанин, свей - швед. Хотя сами себя они чаще называли не по народностям, а по областям. Ютландцы, халогаландцы и т. п. Посторонние всю эту скандинавскую братию именовали совокупно: норманны или нурманы, т. е. - люди севера. Вероятно, что позже так называли в первую очередь норвежцев. Они ведь самые северные из скандинавов. Норег также означает северный путь.] был здоровенный, как вставшая на дыбы «субару-импреза». Огромный, широкий и столь же быстрый, как машинка, на которой я гонял в том мире.

У норегга было славное имя - Торсон, что значит - сын Тора, и славным я бы его не назвал. Во всяком случае, в привычном моему времени значении слова.

Слава этого пиратского (морского, как здесь говорили) ярла была исключительно неприятного свойства и определялась количеством народа, которое Торсон-ярл нашинковал своим здоровенным мечом. А меч у рыжебородого викинга был внушительный. Длинный «полуторный» клинок, очень похожий (хотя заметно более тяжелый) на тот, который позже назовут «бастардом». По-здешнему - выблядком.

Ничего унижительного ни в слове, ни в мече не содержалось. У любого ярла (в том числе и у моего) бастардов - целый выводок.

Даже рожденные от матерей-рабынь, они все равно крупнее, сильнее и шустрее своих единоутробных родственников и даже могут рассчитывать на военную карьеру. Разумеется, если папаша соблаговолит дать матери свободу. Здесь, в Дании, по закону сын наследует материнскую участь.

Малость недотянувший до полноценного двуручника «бастард» Торсона был настолько же крупнее моего меча, насколько рыжебородый - меня самого. Однако в деле мой клинок ничуть не уступал «бастарду». Клеймо «Ulfberht», знакомое мне еще по той жизни, многое говорит знающему человеку.

Именно из-за клейма я и приобрел шесть дней назад этот замечательный меч.

Если оружие способно прожить тысячу лет, на мой век его точно хватит. Дивный клинок был достоин собственного имени, и я ему это имя дал. Вдоводел. Так сказать, в духе эпохи. Не знаю, женат ли Торсон-ярл. Но, даже если и холост, Вдоводелу это не помешает. Во всяком случае, я на это надеюсь.

Да, позвольте представиться: Ульф Черноголовый. Почему черноголовый, понятно. А Ульфом назвался в свое время из конъюнктурных соображений. Волчишек викинги жалуют. Чувствуют природное сродство.

В той жизни меня звали не так образно. Николай Григорьевич Переляк, значилось в моем паспорте. Но в здешнем обществе лучше не представляться «румийским» именем. А уж фамилия и вовсе никуда не годится. Переляк на здешнем словенском наречии означает «перепуг». Мне оно надо?

...Норег махнул щитом, перекрыв мне линию зрения, и тут же секанул понизу. Таким ударом можно отрубить обе ноги разом. Ноги же мне весьма дороги, поэтому я вовремя подпрыгнул, пропуская «ублюдка» под собой... И в следующий миг понял, что двухметровый убийца как раз и ждал от меня такого вот высокого прыжка. Радостно осклабясь, рыжая сволочь от души двинула меня щитом снизу.

Я не полетел вверх тормашками только потому, что вовремя толкнулся ногой от Торсонова щита. Хоп – и я опять в твердой стойке на приличной дистанции.

Торсон удивился. Даже лыбиться перестал. Надо полагать, до сих пор финт со щитом получался у него эффективнее. Спору нет, финт хорош. К счастью, я уже знал кое-какие фокусы и трюки здоровенных морских разбойников, внушавших лютей страх всем, кроме таких же головорезов, как сами. И еще множество трюков. Сотни, а то и тысячи уловок, придуманных человечеством за тысячи лет шлифования искусства отчекрывать важный для жизни кусок от тушки ближнего. И лишь благодаря этим знаниям я пока что успевал уберечь свою единственную и очень любимую шкурку от необратимой порчи. «Бастард», которым рыжебородый громила Торсон размахивал с непринужденностью французского дуэлянта, орудуя тонкой шпажкой, рвал и кромсал воздух с мощью и скоростью промышленного вентилятора. Двухметровый детина в пудовой броне, с пудовым щитом в волосатой лапе прыгал легко, как балерина.

И при том ухитрялся наносить чуть ли не по два удара в секунду. Да еще таких удара, что развалили бы железнодорожную шпалу. И это не гипербола, а реальность. Пять минут назад я видел, как рыжебородый пожиратель мяса в два маха, играючи, прикончил отличного парня и неслабого поединщика Фрёлава, который уж точно был попрочнее шпалы.

Бах – и полщита на земле. Бах – и половинка второго щита там же. А вместе с ней и полчерепа славного датского парня, вызвавшегося выйти против двухметровой машины членовредительства по имени Торсон-ярл.

Будь моя воля, я бы расстрелял этого двуногого ящера с безопасной дистанции. Думаю, трех хороших лучников хватило бы.

Но такой вариант был по местным понятиям дурным тоном. Мой ярл навсегда потерял бы лицо и, вместе с ним, уважение «электората».

А вот выставить вместо себя добровольца-поединщика – это нормально.

Я был вторым кандидатом в мясорубку.

Приятно поглядеть на удивленные рожи Рагнара-конунга и его головорезов, когда я шагнул вперед.

Сынок Рагнара, Бьёрн Железнобокий, даже пробормотал что-то ироническое...

Я его понимал. Они хотели красивого боя и сомневались, что у меня получится.

А я вот не сомневался. Даже если кровожадный «сын Тора» расчленит мое брненное тело, этот процесс займет намного больше минуты. Со мной Торсону придется повозиться. Готов поспорить: он изрядно пропотеет и запыхается, прежде чем один из нас отправится в Валхаллу. А если этим одним буду я...

Тоже не без пользы. Утомив Торсона, я облегчу моему ярлу задачу выживания.

...Вначале я надеялся, что неистовый викинг умается раньше меня. Ярл не оправдал надежд. Поднимаем пыль уже минут десять, а рыжебородая помесь

орангутана и промышленной мясорубки бодра, как молодой петушок теплым майским утром. А ведь я для него – неудобный противник. Нетипичный. Во-первых, бьюсь без щита. Во-вторых, веду себя неправильно.

Тут как принято: когда такая вот действующая модель гигантопитека с алчным ревом бросается на тебя, ты (если ты, конечно, – конкретный местный пацан в авторитете) с таким же похотливым рыком несешься навстречу. Бах-бабах – и чей-то щит (это при бескровном результате столкновения) превращается в печную растопку. Поскольку у каждого поединщика есть еще пара запасных, то процедура повторяется, пока все не окажутся разбиты в хлам. Или раньше, если хозяин щита не проявил нужного проворства. Как бы там ни было, финал однозначен. Одним любителем мяса меньше.

Со мной традиционный номер не прошел. Когда зверообразный викинг, разинув зубастую пасть, понесся на меня, я с элегантностью тореро уклонился в сторону и аккуратно ткнул его мечом в почку.

К неопишуемому сожалению, названный сын козлолюбивого бога[3 - Для тех, кто не в курсе: любитель прицельного молотометания бог Тор ездит на упряжке плотоядных козлов, коих время от времени сжирает. Однако при правильном соблюдении технологии сжора, козлы успешно регенерируют из кучки костей, и процедуру можно повторить по новой.] оказался намного проворнее быка (я знаю, с быком в той жизни тоже играл), развернулся на полном скаку и мало того, что прикрыл могучую поясницу краем щита, так еще и лягнул меня. Правда, не дотянулся.

Вот так мы с тех пор и танцевали. Прыг-скок, фьють, фьють. Каждое «фьють» могло стать для меня последним, потому что это было «фьють» вертолетной лопасти. Парировать молодецкие удары Торсона я даже не пытался. Всё мое искусство, всё филигранно отточенное умение вышибать меч противника оказалось бессильно против лапищи, прочной, как вагонная сцепка.

Разок попробовал – и больше не пытался, чуть не оставшись без меча. Только вертелся и скакал горным козлом, уклоняясь то от меча, то от щита, которым рыжебородый убийца орудовал, будто теннисист – ракеткой для пинг-понга.

Впрочем, я уже несколько раз мысленно возблагодарил Бога за то, что норегский Кинг-Конг вооружился щитом, а не секирой. Отступи он, подобно мне,

от славных традиций хольмганга[4 - Хольмганг – дуэль по-древнескандинавски. Более подробно – ниже.] – и с большой долей вероятности я бы уже осел на травку кучкой внутренностей под соусом из богатого гемоглобином содержимого моих сосудов.

Наконец живой блендер с метровой лопастью сделал паузу. Не потому, что устал. Он заинтересовался. Как так? Он уже минут пять орудует своей замечательной мухобойкой, а вредное насекомое все еще живо?

Вот теперь его следовало подбодрить. Лучше всего – смертельно обидеть. Что я и сделал.

Норег до словесной перепалки не снизошел.

Это правильно. В таких случаях спорить и оправдываться – верный путь стать посмешищем. Проще убить обидчика. Пусть меч скажет свое слово. Труп врага – самая убедительная победа в интеллектуальной дискуссии. Такая здесь конкретная жизнь. И жизнь эта мне нравится. Пока. Потому что у рыжебородого Торсона есть очень серьезный шанс прибавить к имени Ульф Черноголовый неприятный глагол «был». Что ж, если мне суждено сегодня сгореть в пламени погребального костра, я все равно ни о чем не жалею. Те месяцы, что я провел здесь, стоят многих лет жизни там.

А начиналось все так...

Глава вторая,

в которой герой принимает неравный бой и несет первые потери

Мой папа – бизнесмен. Мелкий, но на жизнь ему хватало. На жратву, любовниц, двухсотый «мерс» и горные лыжи в Швейцарии. Папа – умный мужчина. Не зарывался.

Даже когда я стал признанным авторитетом (спортивным, не уголовным) и обзавелся очень солидными приятелями, папа по-прежнему платил за «крышу» и

ментам, и чиновникам, и «синим». Понемногу, но аккуратно. Но его все равно выжили из родного города губернаторские «реформы». Я предлагал помочь («заценить» дареный клинок требовалось многим городским «шишкам»), но папа отказался. И год назад уехал в глубинку.

Я, впрочем, тоже. Причем намного дальше, чем он.

Как это у меня получилось? А вот получилось! Есть люди, которые всегда получают то, чего хотят. Я – один из них. Тут главное: как следует захотеть. Захотел я качественно: текущая жизнь обрыдла до тошноты.

То есть у меня самого все было неплохо, но вокруг... Блин!

Словом, я почувствовал, что еще чуть-чуть – и кого-нибудь убью. Кого-нибудь, просто подвернувшегося под руку.

Можно было податься за кордон... Но это было бы бегством. И признанием поражения. А я с детства не любил проигрывать.

В общем, однажды, после очередной ролевки, где славные, в общем, парни, не очень умело лупят друг друга тупыми мечами (среднестатистический кандидат в мастера спорта по сабле «порубал» бы их всех минут за пять), а потом очень умело пьют водку под ароматный шашлычок, я все и сделал.

Презрел свои обязанности арбитра, отошел подальше в лесок, закрыл глаза и взмолился Тому, Кто Наверху: «Сделай мою жизнь такой, чтобы я в ней был – как клинок в хорошо подогнанных ножнах». И так остро и нестерпимо было мое желание, что башка отрубилась напрочь.

Однако Тот, Наверху, – внял. И даже проявил недюжинное чувство юмора.

Когда Коля Переляк (то есть я) очнулся, в ушах у него звенело, а спина была голая и искусанная комарами.

И лежал Коля голый и босый, на голой земле, вернее – на голых сухих колючках, и добродушные лесные мураши проложили торную дорожку по нежным частям

его продрогшего организма.

Вопреки расхожим штампам, я не стал думать о том, что меня треснули по башке и ограбили. Я как-то сразу, чисто мистически осознал: истошный вопль моей тоскующей души услышан и удовлетворен.

Потому я воздвиг продрогший организм в вертикальное положение, отряхнул с него муравьев и иголки, расправил плечи и с трепещущим сердцем пустился на поиски приключений.

Которые не заставили себя ждать.

Испокон веков, когда храбрые мужчины бьют зверя и друг друга, их прекрасные подруги занимаются собирательством. Сбившись в веселую стайку, милые девицы отправляются в дремучий лес по грибы, по ягоды. Дабы не потерять друг друга и предупредить прочие неприятные неожиданности, девушкам положено звонко перекликаться. Или хотя бы аукаться... В противном случае, как мы знаем из сказок, они рискуют напороться на неприятный сюрприз.

Например, на голого мужика. Меня, то есть.

Юная девица, румянощекая крепенькая блондинка в архаичном (как я тогда решил) наряде, с корзинкой и посошком, возникла на моем пути внезапно для нас обоих.

Что думает блондинка, наткнувшись в пригородном лесу на голого мужика?

Она думает: маньяк.

Вернее, МАНЬЯК!

Поэтому я, естественно, открыл рот, чтобы объяснить, что вовсе не тот, о котором она подумала. Что я – хороший...

Не успел.

Увидав мой мускулистый торс и все, что от этого торса отрастало, девица не завопила истошно, не заохала и не отвернулась деликатно, а глянула цепко – будто сфотографировала... И свистнула так, что ей позавидовал бы футбольный судья. А затем воинственно взяла наизготовку полутораметровой длины посошок.

На свист из ближайшего кустарника, свирепо рыча, выломилась псина размером с южнорусскую овчарку и примерно такая же шерстистая. Не утруждая себя предупреждающим лаем, она сходу заклацала зубищами и совершенно определенно рассчитывая что-нибудь откусить.

Будь у меня под рукой хоть бейсбольная бита, я бы с легкостью доказал приоритет высшего разума над дикой звериной стихией. Но, пребывая в эйфории от случившегося чуда (да и в головке моей еще не все устаканилось), я, беспечный, даже простой палкой не потрудился обзавестись. За что и поплатился.

Вы когда-нибудь пробовали отбиваться от собачки в три пуда весом, оказавшись в чем мать родила?

Не приходилось? Рад за вас.

Прежде, чем я изловчился ухватить псину за спутанную шерсть и частично обездвигнуть, она успела цапнуть меня за обе руки (это мне просто повезло – целила-то она совсем в другое место) и издрать когтями живот. В итоге – патовое положение. Пока я держу псину, она не может укусить. Но и я не могу ей ничего сделать, потому что руки заняты. Однако назвать это ничьей я бы не рискнул. Псина-то была целехонька, а из меня бодрими струйками вытекала влага жизни.

Не следовало забывать и о блондинке. Эта храбрая девушка решительно подобралась сзади и огрела меня палкой. Целила по голове, но я увернулся, и удар пришелся по хребту. Тоже мало приятного. Зато я получил шанс. Поднатужась, я отшвырнул псину подальше, выиграв секунды полторы. Этого хватило, чтобы обезоружить белокурую воительницу и встретить лохматого кусаку по достоинству: хлестким ударом поперек морды. Попал удачно. По носу.

Пока псина переживала неприятность, я вышиб из руки девицы приличных размеров ножик, пришедший на смену отнятой палке, остановил этой самой палкой высокий прыжок псины (кровожадная зверюга целила в шею) и взялся преподавать другу человека основы хорошего тона. Начал с полновесного тычка в брюхо и далее по программе.

Потребовалась минута, чтобы урок был усвоен, и псина ретировалась с жалобным визгом. Вот уж не думал, что кудлатое страшилище способно брать такие высокие ноты.

К сожалению, пока я занимался преподавательской деятельностью, хозяйка псины тоже дала деру.

Мне, впрочем, достался трофей: пол-лукошка черники и льняная тряпица, которая вполне сошла бы в качестве набедренной повязки. Однако я нашел ей другое применение: разорвал пополам и перевязал укусы, предварительно продезинфицировав их с помощью собственной слюны. К счастью, собачьи клыки не повредили серьезных сосудов, так что кровь вскоре остановилась. Но болеть укусы не перестали. Мне бы очень кстати пришелся и нож, но его девчонка успела подобрать.

Пришлось удовольствоваться палкой. Крепкая палка с обожженным кончиком тоже на многое способна в умелых руках. Мохнатая псина подтвердит, если сомневаетесь.

Засим я слопал ягоды, аккуратно поставил лукошко на пенек и отправился туда, куда удрала псина. А наткнувшись чуть позже на хорошо заметную тропку, и вовсе воспрял духом. Я очень надеялся, что она приведет меня к жилью. А там ждет пища, одежда и медицинская помощь. Я очень рассчитывал, что к скромному гостю аборигены будут более расположены, чем к лесному дикарю.

О, как я ошибался!

Глава третья,

в которой герой встречает аборигенов и пытается выстроить диалог

Первым делом я обнаружил вырубку. Кто-то прошелся с топором по молодому березняку. Причем сделал это довольно неряшливо: сучья, ветки и даже целые березки помельче в беспорядке валялись на земле.

Тропка обогнула вырубку (роскошные чистые подберезовики украшали ее «обочины») и вывела на поле. То есть полем этот засаженный каким-то злаком лужок можно было назвать с большой натяжкой. Площадь его была – соток десять, не больше. Вокруг имелись деревья с обожженными стволами и в углу – куча обгоревших пней.

Тут меня озарило. Да вы, батюшка Николай свет Григорьевич, никак в прошлое провалились! Подсечно-огневое земледелие – вот как это называется. Присуще примитивным культурам. Технология, кстати, проста: вырубает лес, то что покрупнее – убираем, то что помельче – оставляем на годик, потом сжигаем. Еще через год (куда торопиться?) на участке слегка прибираемся, потом бороним, сеем и снимаем скудный урожай. Почему скудный? Потому что так мне помнилось из учебника истории. Это с историческим фехтованием у меня все хорошо, а вот с сельским хозяйством – так себе. По верхам. Уж извините.

Впрочем, не важно. Важнее было, что дальше, за полем открывался замечательный вид на небольшое озеро, на берегу которого сушились на палках сети и чернела рядом с мостками тушка перевернутой лодки. А повыше, на пригорке, гордо возвышался крепкий рубленый дом, окруженный не менее крепким забором. Дополняли сельскую идиллию щиплющие травку домашние животные: головастая мелкая лошадка и такая же мелкая коровенка, около которой вертелся пятнистый бычок размером с давешнюю собаку.

Ага! А вот и собака!

Кудлатая псина летела мне навстречу со знакомым грозным рыком... Неужели забыла урок?

Нет, не забыла. Притормозила на почтительном расстоянии, но яриться не перестала.

Я поразмыслил, не сделать ли набедренник из березовых веток, но представил, каким будет мой видок в таком наряде и решил: лучше остаться голым. Кому не

по нраву натурализм – может отвернуться.

Меня встречали. Приземистый, поперек себя шире, бородач, похожий на гнома-переростка, и стриженный в скобку парень, столь пышной растительностью на лице еще не обзаведшийся (по молодости), но такой же широкий и коренастый. В руках молодой держал здоровенный лук с наложенной стрелой-срезом. Вся его поза выражала готовность стрельнуть.

У старшего лука не было. Зато наличествовало копье с толстым древком и листообразным наконечником размером с клинок гладия[5 - Гладий (гладиус) – короткий римский меч.]. Судя по хвату и стойке, в копейном бою бородач новичком не был.

А лапищи у него были такие, что древко (потолще моего запястья) казалось в них детской лопаткой.

Я остановился.

Некоторое время мы рассматривали друг друга под аккомпанемент собачьего лая.

Чресла старшего прикрывали кожаные, порядком поношенные штаны свободного покроя, а торс – застиранная рубаха с вышивкой. На волосатой, обширной, как теннисный стол, груди «гнома» вместо крестика наличествовала связка оберегов. Подобного добра у ролевиков-реконструкторов навалом, однако я нюхом чуял: никакие это не реконструкторы. У этих и одежда, и оружие отличались от «реконструкторских», примерно как театральная шпага – от настоящей. Парочка была насквозь достоверной, исконной и естественной, как дубок на соседнем взгорке. Что ж – еще один кирпичик в здание моей гипотезы о провале в прошлое.

– Ага, – с оригинальным выговором, но вполне по-русски наконец изрек старший. – Ты, значит, на девку мою напал. Нехорошо.

Молодой мигом вздернул лук. Я изготовился. Но сумею ли отбить стрелу, выпущенную с двадцати шагов? Бо-ольшой вопрос...

– Это еще как посмотреть – кто на кого напал, – возразил я. – А собачкой меня травить – хорошо?

– Сам из каких? – тут же сменил тему «гном».

Хмм... Сильный вопрос.

– Человек.

– Сам вижу, что не лешак, – проворчал бородач.

– А Снежок-то на него – как на волка брешет, – подал голос молодой.

Псина, угадав, что речь идет о ней, зашлась в приступе утробной ярости.

Да уж, Снежок. Впрочем, если эту кучу шерсти как следует постирать...

– Нишкни! – рыкнул «гном».

Заткнулись оба. И молодой, и псина. Как отрезало.

– Кто ты есть? – сурово произнес бородач. – Людин? Иль холоп беглый?

– Людин.

Выбор, как вы сами понимаете, очевиден.

«Гном» хмыкнул. Скептически.

– Чего хочешь?

Ага, это вопрос по существу.

– Одежда, еда, покусатости полечить! – Я продемонстрировал повязки на руках.

- Виру, что ли, стребовать желаешь?

Молодой гыгыкнул, но тут же снова сделал суровое лицо.

Я шутки не понял.

- Помощи прошу, - смиренно произнес я. - Отработаю.

- Умеешь что?

Я пожал плечами:

- Многое.

- Откуда знаешь, что я врачевать могу?

- Врачевать я и сам могу. Было бы чем...

- Добро, - бородач опустил копье. - Быська!

Из ворот выглянула давешняя блондинка.

- Дай этому порты и рубаху старую. А то ходит будто в бане.

Мы еще немного поиграли в молчанку, пока блондинка бегала за одежкой.

В дом меня не звали, а сам я не напрашивался.

Блондинка вернулась и принесла заказанные порты и рубаху.

Штаны были своеобразные: ни карманов, ни пуговиц. На поясе - дырочки, сквозь которые продели веревку. Рубаха оказалась еще примитивнее: два куска грубой холстины, кроенные сразу с рукавами и сшитые вместе. Для головы оставлена дырка.

Все трое, включая блондинку, внимательно наблюдали, как я одеваюсь.

Ну и хрен с вами, дорогие хозяева! Нет, это просто удивительно, насколько наличие штанов прибавляет уверенности в себе. Еще бы обувь какую-нибудь...

Я поглядел на ноги моих благодетелей. Ага, у старшего что-то вроде кожаных сандалий, а у младшего... лапти! Из бересты!

А чего я, интересно, ждал? Это же прошлое! До «найка» с «адидасом» еще жить и жить. Хотели, уважаемый господин Переляк, попасть в эпоху меча? Вот вам! И лапти в придачу. То есть как раз лаптей-то мне и не дали. Ладно, перебьемся. Босиком по лесу ходить – я привычный. Даже нравится.

– Зовут как? – поинтересовался бородач.

– Николай.

Мужики переглянулись. С одинаковым выражением. Очень похоже. Наверняка отец и сын.

– Ни Кола? – переспросил старший.

– Нет, Николай!

Снова переглянулись.

Младший гыгыкнул:

– Ни кола ни двора, вот это в масть.

Старший спросил серьезно:

– Николай – это что значит?

Ишь ты, какие мы любопытные.

– Это значит – сильный.

Вообще-то «Николай» в переводе с греческого – «победитель народов», вариант – «победитель людей». Но я – человек скромный.

– Так ты не словенин! – воскликнул молодой. – То-то у тебя говор чужеватый!

Интересный вывод. Сам ты – чужеватый, подумал я. Но смолчал. За порты и не такое стерпеть можно.

– Меня Ковалем зови, – разрешил бородатый. – А это сын мой, Квашак. Значит, отработаешь?

– Я же сказал!

– За еду и одежду, – уточнил Коваль. – До листопада.

Я прикинул по времени. Сейчас август. Вернее, там, в том времени – август. Хотя здесь, похоже, аналогично. В крайнем случае, июнь, потому что вокруг однозначно лето. Значит, от двух до четырех месяцев получается. Нормально. Как раз разберусь, что тут к чему.

– Договорились.

Коваль перехватил копьё в левую руку, вытянул правую... Я сообразил, что надо не пожать, а хлопнуть.

– Волох ряду видок! – торжественно изрек бородач. Рожа хитровато-довольная. Надо полагать, я упорол какой-то косяк. Ладно, прорвемся.

Коваль сунул копьё сыну.

– Пошли, Ни Кола, раны твои врачевать будем.

Глава четвертая,

в которой герой по незнанию приступает к женской работе и получает под зад

Лечение оказалось нехитрым. Сначала промывка какой-то едкой настойкой, потом – повязка из смеси жеваного подорожника с какой-то мазью омерзительного вида и запаха. Вся процедура – весьма болезненная. Мерзкая мазь жгла, как кипятки. Я мужественно терпел истязания. Мужество мое оценено не было. Думаю, зашипи я от боли, Коваль бы удивился.

После перевязки я рассчитывал на перекусить. Зря.

Закончив, Коваль кликнул сына и велел пристроить меня к работе. Больничных тут, похоже, не выписывали.

Белобрысый Квашак повел меня за избу. Там располагался огород, где возились две женщины в платках. Они проворно дергали из земли травку. Надо полагать, занимались прополкой. На нас даже не глянули, так что их возраст и внешность определить было затруднительно.

– Давай, – кивнул на огород Квашак. – Делай, как они.

Я присел на корточки. Попытался определить, по какому принципу дамы отличают хорошую траву от плохой или наоборот...

– Шевелись, холоп! – гаркнул Квашак. И стимулировал мое рвение пинком под зад. От неожиданности я чуть не ткнулся носом в землю.

На этом терпение мое иссякло. Тем более, руки по-прежнему жгло, что, само собой, не прибавляло добродушия.

В рукопашной я не очень хорош. То есть боксеру-перворазряднику пришлось бы со мной повозиться, но мастер спорта нокаутировал бы в первом же раунде.

Белобрысый Квашак мастером спорта не был. Но удар держал неплохо. Или младая бородка самортизировала? В общем, удар в челюсть его не свалил.

Однако нокдаун был налицо. Поплыл паренек.

Поплыл, но не сдался. Ну что за дурная у здешних привычка: чуть что не поихнему – сразу за нож!

Руку с ножом я перехватил без проблем, подвернул, дернул и хряпнул Квашака оземь простейшим броском через бедро.

Упал он – как мешок с дерьмом. Даже затылком приложился. Хорошо, на мягкую грядку. Нож остался у меня.

Громкое: «Ох!» – одной из огородниц. Ага! Совсем молоденькая. Лет восемнадцать. И, похоже, беременная. Беременным волноваться вредно!

– Спокойно, девушка, я его больше бить не буду! – поспешно произнес я.

Затем присел на корточки и снял с сомлевшего Квашака кожаный пояс с чехлом для ножа. Нацепил на себя. Должно быть, Бог надоумил. Или память предков. Как выяснилось позже, именно такой вот пояс с ножом считался непременным атрибутом свободного человека.

Это мне позже объяснил сам Квашак, очень удивленный, что я не ведаю таких элементарных истин. Он, кстати, не обиделся. Назвать свободного человека холопом и унижить его пинком – серьезный проступок. Впрочем, я сам был виноват. Свободный человек не станет делать женскую работу.

Кушали патриархально. Сначала мужчины: то есть сам Коваль, Квашак и я, наемный работник. Женщины: согнутая жизнью и работой супруга Ковалья, беременная жена отсутствующего старшего сына и дочка хозяина Бысть (по домашнему – Быська) – обслуживали.

Кушали сытно: карпаччо из оленины, замечательная душистая уха, тушеная брюква пополам с птичьим мясом под черничным соусом. Все это запивалось квасом, морсом и молочной сывороткой – кому что нравится. Мне бы понравилось пиво, но пива предложено не было, хотя я точно знал: пиво – напиток древний и уважаемый. Не было также медовухи, без которой, по утверждению летописцев,

не обходилось ни одно порядочное застолье.

Кушали степенно. Вернее – постепенно. Ели, запивали, снова ели, сыто рыгали, снова ели...

Словом, отъедались за весь голодный день: от завтрака до ужина питаться не полагалось.

Покушали. Выбрались на завалинку. Мужчины. Женщины тем временем подъедали остатки и прибирались в избе.

Кстати, об избе. Строение это было – капитальное. Сложенное из могучих стволов (нижние венцы – на фундаменте из диких камней), без особого тщания, выпирало то тут, то там, зато мощно и надежно. И щели законопачены с отменным старанием.

Отец и сын вели неспешный, солидный разговор. С плотностью примерно пять слов в минуту. Говорили о старшем сыне Ковалея, который отправился весной в какую-то Копынь и должен был вернуться до заморозков.

Звучало это так.

Старший: «Должно, водой вернется».

Младший: «Водой – это хорошо. В лодку добра много влезет».

Старший: «Волокушей по снегу – тоже много».

Младший: «Волокушей – да. Зимой по болоту хорошо».

Старший: «А осенью – водой...»

И так далее.

Чтоб руки не гуляли, родственники делали стрелы.

Выглядело это так.

Из пучка заготовок выбиралось древко. Проверялось на прямизну с помощью натянутого лучка, отполировывалось и выглаживалось ножиком, камешком и кожей до идеального состояния. Затем к хвостовику так же тщательно прилаживались перышки. На клей. Рыбий, судя по запаху.

Мне клейку перьев не доверили. Только шлифовку.

И отцу, и сыну очень хотелось расспросить меня: кто такой, откуда взялся? Но, видимо, правила приличия подобного не допускали. Меня это устраивало.

Чуть позже Коваль взялся рассказывать, как он в возрасте Квашака ходил с ополчением воевать каких-то чусей. Рассказ изобиловал непонятными мне словами. Зато с мотивацией все было доступно. Грабить ходили. Воевали весело. Женок чусевских перепробовали всех. Мужей частью побили, частью раздели догола и выгнали в лес... Тут Коваль стрельнул глазом в мою сторону: чувствую ли аналогию? Я ухмыльнулся. Нет, не мой случай.

Квашак эту историю, надо полагать, слышал уже раз сто, но все равно задал вопрос насчет добычи. Папаша степенно ответил, что на его долю пришлось шкурок на пять кун и трое рабов: две бабы и мальчишка.

Рабов он продал в городе, а вырученные деньги использовал в качестве взноса мастеру. За обучение. Что за мастер и что за обучение – не сказал.

Спать меня уложили на сеновале. Там же спали и Квашак с Быськой. Перед сном Коваль меня строго предупредил, чтоб я ночью к Быське не лез.

Я и не лез. Сама подползла.

Однако дальше примитивного петтинга дело не зашло, так что совесть моя осталась чиста.

Глава пятая,

в которой герой адаптируется к новой реальности и находит этот процесс довольно скучным

Утречком меня разбудили птицы.

Квашак еще дрых, а Быськи уже не было.

Я спустился, сбегал к озеру – искупаться. Водичка была славная, а рыба ходила прямо у берега. Вот где с удочкой посидеть... Только удочки здесь не в чести. Сети – эффективней.

Искупавшись, вышел на лужок, отыскал подходящий дрын и принялся за утреннюю зарядку. Искренне наслаждался: воздух чистейший, трава мягкая, солнышко восходит, шест в руках поет...

Так увлекся, что не заметил появления Ковалья.

Когда я закончил упражнения, мой хозяин глянул исподлобья и поинтересовался:

– Ты вой, Николай?

Надо же: вчера, шутник, все Ни Кола да Ни Кола, а нынче – как положено.

– В каком смысле?

– В дружине был? – уточнил Коваль.

– Почему так думаешь?

– Вижу. А думал я вчера. Когда Квашак рассказал, как ты его приложил.

– Скажем так (врать не хотелось): обращаться с оружием умею.

– Ага, – сказал Коваль. И вдруг поклонился мне в пояс: – Блага тебе, Николай!

– За что? – Я удивился.

– Пожалел нас вчера.

Через пару минут путем осторожных расспросов я выяснил: Коваль полагал, что, будучи воєм (то есть – воином), я вполне мог перебить их всех и взять все необходимое безо всяких договоров. Тем более, я – человек чужой. Был бы свой – пришлось бы отвечать перед здешними властями. А чужой пришел и ушел. Никакой ответственности.

– Зря людей не убиваю, – сурово произнес я.

Признаться, я в своей жизни еще вообще никого не убил, но говорить об этом не стоило. Что-то подсказывало: не поверит абориген. В этом диком обществе воин, который никого не убил, – неправильный воин.

– Это по Правде, – одобрил Коваль. – Людинов убивать – виру платить придется. Где тут выгода? – подумал немного и предложил: – Ряд наш, ежели хочешь, можем расторгнуть. Я ведь не знал, когда рядились, что ты – вой.

– Я знал, – веско произнес я. – Так что уговор наш в силе.

От своего плана пожить здесь и осмотреться я отказываться не собирался.

Работенка для меня нашлась. И не сказать что легкая. Пни корчевать. Рачительный хозяин, Коваль готовил поле под пал тщательно. Неоднократно повторял (то ли у него привычка была такая, то ли обычай здешний – талдычить одно и то же), что плохие хозяева пни не корчуют, а выжигают, обложив хворостом. Поэтому у них рало цепляется за корни, берет неглубоко и урожайность никудашная. Хороший хозяин должен пеньки дергать.

И мы дергали. Причем не голыми ручонками, а самой настоящей лебедкой. Правда, вместо зубчатой передачи выступало круглое полешко с крестообразной ручкой, на которую наматывалась толстая просмоленная веревка, однако даже этот нехитрый механизм позволял создать усилие тонны в полторы. Я было удивился такой продвинутой механизации, но вовремя вспомнил о разных

боевых машинах, в которых тот же принцип использовался уже не один десяток веков.

Работали мы втроем, и из нас троих я был самым хилым. А ведь до сих пор считал свою физическую подготовку весьма выдающейся. Молоденький Квашак перебрасывал на волокушу десятипудовое бревнышко, даже не крякнув. А Коваль был вообще монстром. Казалось, он мог выдергивать из земли пни безо всякой лебедки. Ручищи – как клещи. Наблюдая за этой парочкой, я начинал думать, что былины о чудо-богатырях основаны на реальных событиях. Это ж если здесь простые деревенские мужики такой силищи, то каковы настоящие богатыри?

Хотя сила силой, а в борьбе я Квашака делал. Ему не хватало резкости и быстроты. И знания приемов, естественно. Но готов поспорить: окажись он в секции вольной борьбы, то годика через четыре до мастера спорта дорос точно.

За пару недель мы закончили расчистку, выпололи подрост (деревья свалили и обрубали сучки еще зимой), повыдергивали корни и приготовили вырубку к очистительному огню. Здоровая работа на свежем воздухе мне, пожалуй, понравилась бы, не будь она такой однообразной.

Зато я походя получил немало полезной информации о здешних обычаях. Моя неосведомленность Ковалья не удивила. Я же чужак.

По утрам, пока руки еще не гудели от усталости, я упражнялся с луком. Лук был деревянный, простой, но из хорошо подготовленного дерева, с вощенной жильной тетивой. Уступая в легкости и удобстве спортивным образцам, он существенно превосходил те самоделки, которые я встречал у реконструкторов. И был в разы мощнее. Послать стрелу на сто шагов при известном навыке было нетрудно. Другое дело, что выстрелить – не значит попасть.

Навыки у меня были. Техника – на приличном уровне. Стрелял я из самых разных луков. Из современных, браунинговских. Великолепные игрушки, кстати. Вес – два кило. Куча примочек: прицелы, релисы (это приспособы для удерживания и спуска), гасители вибрации тетивы. Словом, все удобства. Начальная скорость стрелы – триста метров в секунду. Результат, вполне сравнимый со скоростями пуль гладкоствольных охотничьих ружей. А вот результативность «браунингов» не идет ни в какое сравнение с оружием наших (и не наших) предков. Дальность

прицельного выстрела – максимум сто метров. И дело не в луках – при нынешних технологиях сварганить инструмент, из которого можно запулить метров на четыреста – никаких проблем. Стрелки не те.

А вот наши пращурьы безо всяких хайтековских технологий били прицельно метров на двести. Мистика. С одной стороны. А с другой – полное слияние с оружием. Мастерство, называется. Я так умел – с железом. С луком – пока нет. Но знал, что могу научиться. Просто необходимости не было, а дело – долгое и трудное.

Луки старинные я всегда любил. Не меньше, чем клинки.

Самый старый и одновременно самый изысканный лук, который я держал в руках, был роскошным сложносоставным экземпляром турецкого образца. Настоящее произведение искусства. Стрелять из него, правда, владелец не позволял. Я его понимал: куплен данный раритет был за сумму, сравнимую со стоимостью «мерса».

Словом, кое-какой опыт у меня имелся. Было и понимание: чтобы метко стрелять (все равно – из лука или из пистолета), надо стрелять регулярно и помногу.

Когда листья на деревьях начали желтеть, я уже вполне мог посоревноваться с Квашаком. Развлечения и практики ради я принялся обучать его работе с шестом – работа с «тенью» полезна, но даже слабенький партнер все равно лучше. Квашак проявил немалые способности. Более того, у него обнаружили первичные навыки работы с копьем. Батя научил, пояснил парень. Батя умеет. Естественно, Коваль же служил в армии. То есть – в ополчении, по-здешнему.

Я очень скучал по настоящему оружию. Скучал по своей изрядной коллекции (кому, интересно, она досталась? Если матушке, то разбегутся мои любимые по аукционам), скучал по властной тяжести настоящего клинка, по грозной песне рвущего воздух железа, по потрясающему ощущению полного слияния с оружием, когда клинки для тебя – то же, что пальцы для пианиста.

Дни сменялись днями, почти не отличаясь друг от друга.

Я понемногу привыкал к этому миру.

Такая привычка была необходимостью. Здешняя мораль заметно отличалась от той, к которой я привык. И от той, которая, по моим представлениям, должна была царить на Древней Руси.

Например, оказалось, что к наготы здесь относятся примерно как в Японии. Или в финской бане. То есть в нашей реальности девушка, встретившая в лесу чужого голого мужика, расставляла акценты так: чужой голый мужик. А здешняя – чужой голый мужик.

Да, к этому надо было привыкнуть. Например, когда супружница Ковалья, справив нужду на краю поля (технически это было несложно: только подол задрать – трусов еще не придумали), без малейшего стеснения, с задранной же до пояса подолом проследовала к ручейку и осуществила необходимые гигиенические процедуры, я, зрелый, небрезгливый и в меру циничный мужчина эпохи постсексуальной революции – был несколько шокирован.

А вот если бы она заплела волосы в одну (!) косу, как это делала Быська, то я бы и внимания не обратил. А между тем было бы это очень серьезным нарушением обычаев. И была бы она нарушительница безжалостно бита супругом.

Еще занятнее здешняя семейная иерархия.

На первом месте стоял, естественно, сам Коваль. На втором – его отсутствующий старший сын. На третьем – Глада, жена старшего сына. И лишь потому, что была беременна, возможно, мальчиком. Дальнейший ее статус зависел от пола ребенка. Родит первенца – будет в почете и уважении. Родит девочку – упадет на уровень земляного пола. Родит кого-нибудь еще (не смейтесь, этот вопрос всерьез рассматривался Ковалем) – выгонят бедняжку из дому в дремучий лес. На четвертом месте располагался Квашак (был бы женат, переместился бы на третье), на четвертом – Быська. А вот ее мамаша Трушка оказалась в самом конце списка. Как пояснил мне Квашак – потому что не была настоящей женой. Вот его покойная мать, та – да. А Трушку отец взял на птичьих правах. Без приданого, без правильного обряда – чисто для хозяйственных и плотских нужд. Потому что это было дешевле, чем купить рабыню. Однако Трушка считалась свободной, и, будь у Ковалья обельные холопы (рабы то есть), они оказались бы еще ниже.

Довольно-таки странно складывалась и моя сексуальная жизнь. Периодически я был посещаем Быськой. Ее мозолистые ручки ласкали меня и так и эдак. Никаких табу. А вот мне разрешалось немного. Например, я не мог ее раздеть – ласкать разрешалось исключительно через ткань нижней рубахи, очень уместно называемой срачицей. Прямой доступ был закрыт. Эта самая срачица была Быськиными доспехами, кои снимать не полагалось. Я не особо настаивал. Черт знает, как отнесся бы к моим поползновениям спавший в нескольких метрах Квашак. Ни его, ни Быську обижать не хотелось. Хотя эти однообразные игры уже начали мне надоедать. Да и сама Быська – тоже. Нежно-лирических чувств я к ней не испытывал. Да и откуда бы они взялись? Простая деревенская девушка с упруго топырящимися сиськами и крепкой попкой. Румяная юная блондинка... Можно ли такую полюбить? А можно полюбить, скажем, картошку с грибами? Черт! Картошку-то я как раз любил с детства. Но отныне эта любовь – неразделенная. Брюква и репа – вот мой скорбный удел. Горе мне, горе!

Глава шестая,

в которой на сцену выходят нехорошие дядьки без моральных ограничений

Я как раз собирался ополоснуться (стволы тягать – дело грязное), когда из-за мыска выплыла лодка под прямым парусом. Я прищурился: в лодке, кажись, четверо. Но подгребают двое. И идут точно сюда.

Я свистнул. Первым примчался Снежок. Лодку обнаружил сходу. И загавкал. Чуть позже появился Квашак с луком. Почему с луком – понятно: угадал по бреху собачьему: чужие на подходе.

Последним – Коваль с копьем.

Так мы стояли и ждали, пока лодка не подошла к берегу. Парус упал. Еще раньше на мостки соскочил ладный, плечистый мужик с мечом у пояса.

– Здрав будь, Коваль!

– И тебе здраву быть, Клыч, – без особой радости произнес хозяин территории.

Закрепив лодку, на мостки выбрались остальные. Рожи – чисто разбойничьи. На троих – пять глаз и пять с половиной ушей. Бывалые хлопцы. И туда, где они бывали, мне как-то не хотелось.

– С чем пришел? – сумрачно спросил Коваль.

– А ты, вижу, не рад мне, огнищанин? – с этакой наглостью в голосе поинтересовался гость. Ох и знакомая интонация. По той жизни знакомая. Там это называлось «пробивка».

И особый, скользкий взгляд, которым Клыч прошелся по нам, сразу срисовав и оружие, и расположение, мне тоже был знаком. Чуть дольше взгляд этот задержался на Квашаке. Вернее, на его луке. Выделил, так сказать, самое опасное звено. А вот меня, похоже, оценили недорого. Оно и понятно: стати у меня средние, а одежда – нищему впору. Вдобавок – замызганная. Неавторитетный вид.

Клыч глянул поверх наших голов – нет ли еще кого, опасного... и вдруг широко осклабился. Я оглянулся... Понятно. Это он Быську увидел.

– Подросла твоя девка. Небось женихов уже ищет?

Остальные загоготали.

– А то, может, мы поженихаемся? – хрюкнул полутораухий. – Мы можем!

Скосив глаза, я увидел, как побелели пальцы Квашака, сжимавшие лук.

Я прикинул расклад. Меч был только у главаря. У остальных – длинные тесаки и топоры. Были и луки, но остались в лодке. Однако у двоих гостей на поясах я заметил кармашки, а в кармашках – метательные ножи. И лапки шаловливые они держали так, что выхватить и метнуть – секундное дело.

Знать бы еще, насколько умело они управляют со своим киллерским инвентарем...

– Разве так встречают гостей? – с легкой угрозой произнес Клыч. – Разве это – по обычаю? – И вознамерился сбежать с мостков на берег, но у него на дороге оказался я. Все-таки у него меч, а у меня – так себе ножик. Самое время сократить дистанцию.

Клыч, похоже, такого не ожидал. По крайней мере – от меня.

Мы померялись взглядами. Боковым зрением я отметил, как Клыч положил руку на головку меча, и едва заметно усмехнулся – уголком рта. Ну, давай, рискни здоровьем!

Клыч, само собой, заметил и то, что я отметил его жест. И мою реакцию – тоже.

Вертикальная складка легла меж его белесых бровей: задумался, орелик. Блефую я – или впрямь настолько крут, что готов встать против человека с мечом?

Мой затрапезный прикид его обнадеживал. Вдруг я такой дурень деревенский – не понимаю, что такое меч? Такой вывод был бы для меня идеальным. Когда тебя полагают дурнем, это сильно упрощает задачу.

Но нет, Клыч этот, судя по роже и выправке, – матерая сволочь. Опытная. Битая. Следовательно, противника оценивает не по порткам грязным, а по постановке, по динамике... А главное – по выражению глаз...

А глаза у меня в такие мгновения хорошие. Правильные. Эдакие дырочки с нарезками. Как нутро автомата Калашникова.

Троица позади вожака реготать перестала. Угадала по напрягшейся позе лидера, что происходит переоценка ценностей.

Помочь ему они не могли. Мостки узкие, а спина у Клыча – пошире моей. От броска закрывает стопроцентно.

Оп! Соскочила пружинка! Уступил Клыч. Не рискнул. Это еще не значит, что не пойдет на конфликт в более благоприятной обстановке, однако во второй раз будет труднее. Психологически. Он ведь уже признал во мне если не более

сильного, то по крайней мере – равного. Значит, будет осторожен. Я эту породу знаю. Хищники, они нападают только при явной уверенности в собственном абсолютном превосходстве. Оно и понятно. Волк с откушенной лапой – считай, покойник.

– Коваль, это кто у тебя такой храбрый? – через мою голову (благо рост позволял) поинтересовался Клыч.

Моя усмешка стала чуток пошире.

Хотел ты, дружок, лицо сохранить, мне презрение выразить, а получилось наоборот. Слово у меня самого спросить побоялся.

– Гость, – ответил Коваль не без напряжения в голосе. Он не видел моего лица и не мог оценить, чем закончилось противостояние. – Силой зовут.

Это правильно. Не сказал, что считает меня воином (козырь в рукаве), и имя мое заменил на более «солидное». Последнее, как выяснилось, Коваль сделал по другой причине, но об этом – позже.

– Может, пропустишь меня, Сила? – осведомился Клыч. – По добру...

– По добру – это можно, – согласился я. Но с места сдвинулся только тогда, когда Клыч убрал лапу с меча. А он убрал. И это видели все, включая его дружков. Драка отменялась. Или откладывалась...

Проходя мимо, Полтора Уха, постарался поддеть меня плечом.

Я сделал вид, что готов встретить толчок с максимальной жесткостью, но в последний момент чуть уклонился. Полтораухий потерял равновесие, попытался уцепиться за меня, но я опять уклонился, и лететь бы ему с мостков в озерную ряску, если бы я не поймал его... за шкуру. Оформлено было красиво – как на показательных выступлениях. Выглядело так, будто мужик потерял равновесие, взмахнул руками, аки петушок – крылышками, и не шлепнулся в воду только благодаря мне. Никто и не догадался, что – подстава.

Заржали двое. Квашак и шагавший за Полтора Уха одноглазый.

– Ножки не держат? – заботливо поинтересовался я. – Укачало?

Одноглазый заржал еще громче, Полтора Уха побагровел, рванулся из шкирочного захвата, разворачиваясь к обидчику. То есть – ко мне. Я препятствовать не стал. В нужный момент отпустил и даже подтолкнул самую малость.

Воздух – плохая опора, а до меня Полтора Уха не дотянулся. На мощное «Плюх!» обернулся Клыч.

Полтора Уха копошился у берега. Одноглазый ржал так, что аж присел.

Когда перемазанный в иле Полтора Уха воздвигся над водой, смеялись уже все, включая Ковалю и Быську.

Один из спутников Клыча протянул Полтораухому руку, помог вылезти на мостки и, глядя на мокрую, перемазанную в иле физиономию приятеля, аж задохнулся от хохота. Ему-то и досталась плюха, предназначенная, надо полагать, мне.

Молодецкий удар сбросил весельчака с мостков, но упал он не как мешок с удобрениями, а достаточно ловко – на ноги.

Тут же вскочил на мостки (я отметил его отменную ловкость и координацию), ухватил Полтора Уха за рубашонку и с бешеной силой ударил лбом в лицо. Нос Полтораухого громко хрустнул. Толчок – и Полтора Уха опять барахтается во взмученной воде.

Ага, а это уже серьезно!

Облепленный водорослями, полуослепший от тины и ярости, Полтора Уха летел на меня, воздев над головой топор... Я не стал возмущаться: «Почему на меня? Это же не я ему нос сломал!» Приготовился и ждал, представляя, как эффектно Полтора Уха сверзится с мостков в третий раз.

Но осуществиться этому гордому полету было не суждено.

Клыч шагнул вперед и подставил ногу...

Полтора Уха кувыркнулся наземь, но сразу вскочил. Топорика своего он не потерял. Но боевой пыл разбился о клинок Клыча, упершийся Полтораухому в горло.

Шарик сдулся. Полтора Уха сунул топорик за пояс и побрел к дому.

Клыч вернул меч в ножны и чуть качнул головой: мол, не принимайте близко к сердцу. Мальчик уже исправился.

Я тоже чуть кивнул. Очень спокойно. Хотя внутри спокойствия было немного.

Эта маленькая сцена с прыжками и кульбитами показала многое. Во-первых, недюжинную подготовку Клыча и его спутников. Во-вторых – мою собственную (к счастью, известную пока только мне самому) слабость. И Полтораухий, и Клыч, и все в его команде имели передо мной очень серьезное преимущество. Оно заключалось в том, что это были воины, а не спортсмены. В отличие от меня, они ни на секунду не задумывались, какой урон они причиняют противнику. Собственно, у них не было противников. У них были только враги. И они не состязались. Они убивали. Убивали уже много лет. Эффективно и неоднократно. А я, гуманное дитя двадцатого века, до сих пор «убивал» лишь макеты, имитации и прочий тренировочный инвентарь. Черт! Это могло стать серьезной проблемой. Очень серьезной!

Глава седьмая,

в которой герой обедает в обществе местных разбойников

За столом было тесно. Пятеро гостей занимали раза в два больше места, чем домочадцы Коваля. Как-то они так по-особому растопыривались на лавках, что на каждого приходилось чуть ли не по метру. Поэтому они занимали всю лавку целиком, а я, Коваль и Квашак – примерно треть лавки напротив. Вели себя гости нагло. Щипали за разные места прислуживавших за столом Быську и Гладу. На то, что последняя беременна, им было плевать. О приличных манерах

и речи не было. Гости рыгали, шумно портили воздух, норовили схватить лучший кусок... Даже Полтора Уха, чей нос распух до размеров груши, выказывал волчий... нет, скорее свиный аппетит. Исключение на этом празднике голодных хрюшек составлял только сам Клыч. Предводитель разбойников ел на удивление деликатно. Крохотными кусочками и только с общего блюда.

Правда, один приятный момент гости за стол все же привнесли. Бочонок пива.

Не сказать, что какое-то особо выдающееся, но это было первое местное пиво, которое я попробовал. И не отказался бы делать это почаще.

По ходу застольной беседы выяснилось, зачем приехали добры молодцы. Клычу надо было починить и подогнать кольчугу.

Оная кольчуга была выложена на стол и осмотрена Ковалем.

– А что, в городе кузнецов больше нет? – Хозяин с подозрением посмотрел на Клыча.

Тот стыдливо потупился.

– А что, – поинтересовался Коваль. – Бирючи[б - Бирюч, он же глашатай, он же вестник... Словом, тот, кто в стародавние времена заменял СМИ, если требовалось довести до населения общественно полезную информацию. Например, объявить кого-нибудь в древнерусский розыск.] про это кольчугу ничего не кричали?

– Ты-то ничего не слыхал, разве нет? – буркнул Клыч. – Я тебе за работу гривну серебром дам.

Гривна, гривна... Это, насколько я помнил, такая штукавина, которую на шею вешали. Выходит, это еще и платежное средство.

– Половину – вперед! – потребовал Коваль.

Клыч привстал, полез куда-то в штаны, повозился и извлек на свет большую квадратную монету желтого металла. Золотую, то бишь.

– Сойдет? – спросил он.

Коваль взял универсальный эквивалент, взвесил на ладони, попробовал на зуб...

– Сойдет. Через две седмицы приходи.

– А может, мы у тебя на огнище поживем-подождем? – предложил Клыч. – Зверя бить поможем?

– Нет! – отрезал Коваль.

– Нет так нет, – неожиданно легко согласился Клыч. И встал из-за стола. Его братки – тоже.

Я увидел, как Квашак тискает под столом нож, и на всякий случай приготовился пихнуть стол на опасных гостей. Хорошо, женщин в комнате уже не было...

Опять обошлось.

Клыч вполне вежливо поблагодарил за хлеб-соль, и вся банда вывалилась во двор.

Одноглазый прихватил бочонок, в котором булькало еще литра три-четыре. Я счел это хорошим признаком. Если планируют напасть, зачем забирать пиво?

Разошлись без эксцессов. Опасная компания погрузилась на лодку и отправилась восвояси.

Это и еще малая толика алкоголя в моей крови привели меня в благодушное настроение. Квашак тоже расслабился: сбросил тетиву с лука и убрал его в кожаный чехол.

А вот папаша его что-то забеспокоился: топтался на мостках, выглядывая маршрут Клыча сотоварищи.

– Что-то не так? – спросил я.

– Мне этот Клыч известен, – проворчал Коваль. – Ему и семнадцати не исполнилось, как вече его к вире приговорило за смертоубийство. Отец его виру заплатил. Он купцом был не из бедных. Год спустя сгинул в чужих краях со всем товаром. Двор его хотели за долги забрать, но муж Клычовой сестры откупился за тестя. Однако с Клычом они не ладили, и новый хозяин шурину указал на ворота. Правда, выходное дал: бронь и коня. С тех пор о Клыче хорошего не слышали. Говорили, одно время он в отроках у туровского князя ходил. Потом ватагу сколотил, но на разбое не поймали ни разу. Однако та кольчуга, которую он мне оставил, явно с убитого снята.

– погоди, Коваль! – перебил я. – Кольчуга – вещь редкая и дорогая...

– Так и есть. Эта, правда, не из лучших, но и за такую на торге не менее трех гривен дадут. А поправить ее – и половины норегской марки много будет. Не просто так ее Клыч мне привез, а не к городским кузнецам. Видать, знают там, кто ее прежний хозяин.

Город, город... Надо бы о нем расспросить поподробнее. Не все же мне в сельской местности обретаться.

Но спросил я о другом:

– А почему бы тебе не отвезти эту кольчугу в город и не выяснить, с кого ее Клыч снял? Тут бы его и ущучили!

Коваль замотал головой:

– Толку не будет. Мы же не видели, как он убивал. Его спросят, он скажет: купил. Иль у татей отнял. А то и вовсе откажется. Крикнет, что я его оклеветать хотел. Ему пред богами лжу говорить – не впервой. А потом живи и жди: когда Клыч мстить придет.

Резонная точка зрения. Да и гривна обещанная, как я понимаю, лишней не будет.

- Что же тогда тебя беспокоит, Коваль?

- Поплыли они к огнищу Дубишка. Как бы худого не сделали?

- Так чего же мы ждем, батя? - Квашак услышал и забеспокоился. - Давай пособим, а?

- Пособник... - проворчал Коваль. - Таких, как ты, Клыч пальцем давит. Может, и обойдется. Дубишко нам не родич. Пускай сам.

- Как же не родич! - воскликнул Квашак. - Забыл, что Дубишкину младшую сам за меня сговорил! Ну как нехорошее ей сделают?

- Ну, сделают, - пробормотал Коваль. - Что же, мы тебе невесту не отыщем?

Но я чувствовал, как мужик колеблется. Совесть спорила с осторожностью. Я не вмешивался. Мне этот Дубишко вообще до фонаря.

Совесть, похоже, победила.

- Пособим, - решил Коваль. - Сын, давай за веслами.

Обрадованный Квашак побежал к сараю, а Коваль повернулся ко мне.

- Не одобряешь? - спросил он.

Я пожал плечами: мол, не мое дело.

- Значит, с нами не пойдешь, - Коваль не спрашивал, констатировал факт.

Нечестный прием. Против Клыча и его банды Коваль с сыном вряд ли выстоят. Другое дело - и втроем мы не факт, что справимся. Разве что внезапность нападения поможет. Однако если за какого-то Дубишка мне рисковать не резон (а риск есть - игра тут идет по-взрослому, вон, хозяин рваной кольчуги - тому свидетель, мертвый, что характерно!), то с Ковалем и Квашаком я из одной миски ел. Нехорошо их вот так кинуть...

Мысли эти, надо полагать, легко читались на моей мужественной физиономии, потому что в глазах Ковалю блеснул живой огонек:

- Или пойдешь?

- Пойду, куда я денусь. Только оружие бы мне подходящее... Как-то неудобно - с палкой против железа.

- Оружие есть! - Мой гостеприимный хозяин явно обрадовался. - Хорошее оружие! Зря, что ли, меня Ковалем кличут!

Глава восьмая,

в которой выясняется, почему ковалю зовут Ковалем

Это была кузница. Самая что ни на есть настоящая. С горном, наковальней и полным набором инструментария. Имелись также и мехи: примитивные, ручные. Снаружи, у входа, лежало несколько условно круглых каменюг, в которых я не без умственного усилия (никогда ведь не видел) угадал так называемые крицы - заготовки из сырого железа. Продукт древнейшего, домашнего, так сказать, доменного производства. О последнем я знал чисто теоретически, от своих приятелей-кузнецов, коих в прежней жизни было немало. Положение обязывало. Да и молотом помахать было интересно. И полезно. Получше, чем в тренажерке гири тягать.

Теперь стало понятно, почему у Ковалю такое говорящее прозвище и почему именно ему заезжие бандюганы-разбойнички привезли ремонтировать кольчугу. И откуда у папы с сыном такой богатырский плечевой пояс, тоже понятно.

Не дожидаясь приглашения, я откинул кожаный полог-дверь и шагнул внутрь.

Коваль за моей спиной крикнул. Я оглянулся: что не так?

- Заходи, заходи, - он подтолкнул меня в спину. - Ты по роду храбрый или наговор знаешь?

- Наговор?

- В кузню заходишь - как в овин. Или у тебя с Хозяином Огня уговор?

Я ни хрена не понял и неопределенно пожал плечами.

- Не хошь - не говори, - разрешил Коваль. Этак с пониманием. Знать бы еще, что он такое понимал.

Коваль сунул мне в руки предмет, похожий на толстую тятку. Сам взял такой же:

- Подсоби-ка...

Этими рычагами мы с двух сторон поддели здоровенную (тонны на полторы) каменюгу в углу кузни и сдвинули в сторону.

Под ней обнаружилась схоронка. А там - настоящий клад: несколько шлемов, латы, наконечники копий, десяток ножей, килограммов пять разнообразных наконечников для стрел, всякая мелочь. Все густо смазано жиром и проложено сухими деревяшками. Отдельно покоились дюжины две разнообразной формы свертков из просмоленного холста. Надо полагать, самое ценное.

Коваль выбрал четыре упаковки подлиннее. Развернул.

- Выбирай!

Передо мной лежали четыре меча примерно одинаковой формы, незначительно отличавшиеся размерами клинков и рукоятей. Никаких изысков и украшений. Простые и незамысловатые орудия убийства.

Я последовательно подержался за каждый. Выбрал тот, где лезвийная кромка была лучше проработана. Клинок был так себе: посредственной гибкости и тяжеловат. Правда, баланс неплохой. Хотя рукоять для меня тонковата. Но это дело поправимое.

- Вижу, не нравится тебе моя работа, - не выдержал наблюдавший за моими манипуляциями и скептической физиономией хозяин имущества.

Я неопределенно хмыкнул. А чего он ожидал? Восторженных охов? Хотя, если мне память не изменяет, даже такие кое-как откованные и закаленные мечи по здешним меркам - немалая ценность.

- Да нет, подходящие. Я этот беру, только рукоять подмотать надо. И ножны подобрать. И я бы жало довел - туповато.

Теперь хмыкнул Коваль.

- Подмотаем, подберем, доведем, - проворчал он. - Бронь выбирай.

- Обойдусь.

Для того чтобы в этом железе биться, навык нужен. Кольчужку бы я взял, но не предлагали. Так что придется в защите обойтись вот этим открытым шлемом... Я прикинул по голове - нормально. На войлочный колпак сядет хорошо.

- Вот это я возьму, - я обнаружил в куче разностей связку метательных ножей на кожаной перевязи. - И вот это! - Я примерил по руке короткий нож с крепкой крестовиной. Удобная вещь. И в ближнем бою хорош, и удар клинка отвести можно - выдержит. Еще бы к нему хорошую латную рукавицу... Но таковой не наблюдалось. Разве что - в свертках. Но раз хозяин не предложил, значит - не предложил. И так недурно прибарахлился.

- Давай, поторапливайся, - буркнул Коваль.

Мой взгляд упал на стоящие в углу валенки с кожаными нашлепками.

- Мне бы еще обувь...

- Дома сапоги тебе дам. Пошли, на пир опоздаем!

Тем не менее в лодку мы погрузились только часа через полтора. Пока я подогнал амуницию, пока Коваль отдавал домочадцам последние наставления, пока отец с сыном вооружались... Оружие у них было интересное. У Ковалю – уже известное мне копье с полуметровым наконечником и боевой молот(!) на ремешке. У Квашака – окованная железом дубинка и топор. И лук, само собой. Оба нацепили шлемы и броню. Квашак – что-то вроде кирасы, а Коваль – кольчугу с пластинчатыми плечами и щитком на груди. Кстати, щит он тоже взял.

Вот так, оснастившись по-взрослому, мы уселись в лодку и поплыли вершить справедливость.

Глава девятая,

в которой герой получает боевое крещение

Хутор Дубишка располагался на противоположном конце озера, упирившегося в болото. Хорошее болото, сообщил мне Квашак. Много дикой птицы. Но главное, именно там брали «железную землю» – руду для выплавки железа.

К тому времени, как мы добрались до места, совсем стемнело. Безжалостно жрали комары. Коваль с отпрыском не обращали на них внимания. Я тоже... старался.

Лодка была простенькая – долбленка. Но – ходкая и неплохо оборудованная: скамейки, большой сундук на корме, гнездо под мачту и сама мачта, принайтованная к борту. Уключины, правда, были кожаные, но за весла меня все равно не пустили. Не доверили. Гребли отец с сыном на пару, да так, что весла гнулись, а за кормой вскипал бурунчик. Тем не менее наш водный путь занял не меньше часа. Однако даже в темноте с верного направления сбиться было невозможно: примерно на полпути мы услышали первый пронзительный вопль. Затем вопли повторялись с огорчительной периодичностью. Квашак ругался, поминая неизвестных мне животных и загадочные, но, видимо, очень неприятные болезни. Коваль сначала помалкивал, потом процедил сквозь зубы:

– Попались, дурни! Нет бы в болото убежать! – И разъяснил специально для меня: – У Дубишки дом укромно стоит. Рядом с болотом. По тому болоту, ежели троп не знать, трудно идти. Я думал – уйдут они. Жаль, ошибся.

– А может, все же ушли? – предположил я. – Мало ли кто кричит?

– Смеешься? – злобно спросил Квашак. – Иль в ваших краях каленым железом не пытаются?

Я смолчал. Но осведомленность Квашака мне не понравилась. Не исключено, что я недооценил жестокости здешних нравов.

Незадолго до цели (пытуемый уже не вопил – выл) Коваль с сыном сбросили скорость. Темень была – хоть глаз выколи. Однако они ухитрились не только разглядеть причальные мостки, но даже подойти к ним практически бесшумно.

По ту сторону мостков виднелось что-то темное.

– Клыч... – прошипел Коваль. Надо полагать, опознал плавсредство.

Я перелез на мостки, постаравшись сделать это как можно тише. Сапоги были мне изрядно велики, но я поддел две пары толстых шерстяных носков, выделенных мне Трушкой, и они сели нормально, не хлюпали.

Квашак рядом громко сопел. От него пованивало потом.

Коваль придержал его за локоток, прошептал:

– Не бойсь. За нами пойдешь. В сечу не лезь. Бей издаля стрелами.

Квашак сразу перестал сопеть. Видно, и впрямь боялся.

А у меня страха не было совсем. Только азарт. Меня не оставляло ощущение театральности...

...Которое вмиг развеялось, когда мы увидели происходящее.

Посреди лужайки перед домом был разведен большой костер. На огне весело булькал котел. Вокруг разместились трое: Клыч, Полтора Уха и еще один, ражий детина с копной сроду нечесаных волос. Двое других «клычовцев» отсутствовали. Хотелось верить, что их прикончили. Но вряд ли. Неподалеку от костра лежали тела двух мертвых собак и труп (что труп, я понял сразу) мужчины. Другой мужчина, раздетый догола, бессильно обвис на перекладине коновязи. Полтора Уха кошеварил: помешивал варево длинной ложкой, принюхивался, бросал в котел какие-то травы... Время от времени он брал копье, наконечник которого покоился на углях, и, не вставая, тыкал им в живот подвешенного. Мужчина начинал биться и хрипеть.

- Чего ты артачишься, - спокойно, даже сочувственно проговорил Клыч. - Сейчас баб твоих приведут, все равно узнаем. Скажи по-хорошему, где денежки, и не будем тебя мучить.

Пытаемый что-то пробормотал.

Клыч поднялся, подошел к нему, взял за волосы, задрал голову, послушал некоторое время, потом разжал пальцы, и голова бедняги бессильно упала на грудь.

- Дубишко ты и есть, - сказал он. - Тупой, как дубина. Коли начнем мы тебя спрашивать по-настоящему, тогда уж точно за Кромку пойдешь. Сам подумай: кому нужен раб-калека? Буртала, скоро уже? Я голоден!

- Голоден он... - проворчал Полтора Уха. - Надо было у кузнеца поесть. Я вот поел.

- А если бы опоил он нас? - вкрадчиво поинтересовался Клыч. - Он же кузнец, колдун. Ему отраву в яства подмешать, как тебе дикого луку в уху добавить. О! Кажись, идут!

На лужайке появились новые персонажи. Две мелкие коровенки, пара коз, три расхристанные женщины, шестеро детишек разного возраста, в просторных, явно перешитых из взрослых, рубахах. Завершал цепочку пленников мелкий, порядком замызганный мужичок. Сопровождали эту компанию двое уже известных мне персонажей: приятели Клыча.

При виде грустной процессии подвешенный мужчина глухо застонал. Одна из женщин, вскрикнув жалобно, будто чайка, кинулась к телу убитого. Нечесаный, не вставая, пнул ее ногой.

Женщина упала навзничь.

Квашак рванулся вперед, но Коваль перехватил его, прошипел чуть слышно:

- Ты - сзади...

Нечесаный тем временем встал, наклонился и сильным рывком задрал ей платье...

- Не замай! - строго сказал Клыч. - Твоя очередь последняя, молодой!

- Ну так бери ее! - раздраженно бросил нечесаный, пихнув лежащую носком сапога.

- Сядь! - рыкнул Клыч. - Еще раз скажешь мне, что делать, я тебя самого возьму! Сначала поедим. Затем с кладом разберемся. Бабы - потом.

- А рожон свой, молодой, можешь на козе испробовать, - посоветовал одноглазый, с интресом принюхиваясь к содержимому котла. Загоготали все, кроме нечесаного и Клыча. И, естественно, пленников.

По приказу Клыча одна из теток подоила корову. Главарь преступной группы с удовольствием пил молоко.

Котел тем временем сняли с костра, разбойники извлекли ложки... Женщины сбились кучкой, даже не пытались убежать... Мелкий мужичок держался в стороне...

Я легонько толкнул Ковалья.

Лучшего момента не будет.

Злодеи уселись вокруг котла, оставив место для Клыча. Тот вынул ложку, присел на корточки, зачерпнул...

Вот тут я и рванул...

Бежал я очень быстро, но все равно стрела меня опередила. Хороший выстрел: нечесаный захрипел, пытаюсь выдрать стрелу из шеи...

«Лучше бы – Клыча...» – успел подумать я.

Но Клыч – уже вот он. Будто ждал.

Его меч вжикнул у меня перед носом, но сам я его тоже не достал: подпрыгнул, сукин сын!

Тут сбоку сунулся Полтора Уха. Очень кстати. Я метнулся влево, и мой давний недоброжелатель оказался между мною и мечом своего атамана. Рубанул топором сверху, с замаха – как дрова рубил. Только я ведь – не чурка березовая. Плавный уход еще левее, подальше от Клыча, и – х-х-а-а!

Я бил в полную силу. Не думая, что рублю человека. Так я бил бы тупым клинком по деревянной жердине. Нет, не зря я сам доводил острие... Ступню бандита отсекло чисто, даже в ладони не отдалось. Он еще валился, а я, уже с левой, метнул в Клыча короткий швырковый нож.

Он увидел бросок слишком поздно, попытался отбить мечом, но... есть! Ножик глубоко засел в предплечье правой руки главного оппонента.

Клыч будто и не заметил: толкнулся двумя ногами, прыгнул через своего вопящего дружка... И ему не повезло. Полтора Уха как раз махнул грабкой. Клыч зацепился совсем чуть-чуть... И промахнулся тоже совсем чуть-чуть... Его меч на каких-то пару сантиметров разминулся с моей шеей. А мой – нет.

К сожалению, напрочь голову я ему не снес. Клинок застрял в хребтине. Я рванул его изо всех сил, заодно бросив мертвого уже Клыча на Полтораухого, который, привстав, попытался пырнуть меня ножом...

Шестое чувство спасло меня от смерти. Одноглазый. Отличный выпад. Уходя от копейного тычка, я выгнулся так, что еще чуть-чуть – и встал бы на мостик.

Но тут же распрямылся пружиной, перехватив копьё левой рукой, рванул на себя, толчком колена отбил в сторону щит и (все – на одном, слитном движении) принял Одноглазого на клинок. Вот теперь я наконец понял, что такое – убить человека.

Меч пробил толстую кожаную куртку с бляшками, мышцы живота и погрузился во плоть, снизу вверх, очень глубоко... Одноглазый рванулся, раскрыл рот, и оттуда потоком, как вода из трубы, прямо на меня хлынула кровь. Умиравший задрожал. Его рот, губы двигались, будто он хотел что-то сказать. Но вместо слов изо рта толчками выплескивалась кровь. Последняя дрожь, и он всей тяжестью обвис на клинке. От неожиданности я разжал пальцы... И остался без оружия.

К счастью, враги кончились. Почти. На ногах остался всего один. И ему было явно не до меня. Из оружия у него остался только щит, и Коваль добивал этот щит, методично круша его молотом. Сбоку, в отдалении, приплясывал Квашак с луком. Он тоже зря времени не терял – в боку противника Ковалья торчала стрела. Я наклонился, уперся ногой в грудь одноглазого и, поднатужась, вытащил меч. Из всех спутников Клыча он был мне наиболее симпатичен. Возможно, при ином раскладе мы могли бы стать друзьями... Пожалуй, мне было его жаль. Но раскаивался ли я? Вот уж нет!

Щит развалился. Коваль махнул молотом еще раз. Удар пришелся в плечо. Раздался отчетливый хруст... А потом еще один, когда молот пробил злодею висок.

Великая битва на хуторе огнищанина Дубишка, моя первая настоящая битва в этом мире, закончилась. Я остался жив. Это обнадеживало. Мои повоевавшие приятели из мира высоких технологий говорили, что многие салабоны гибнут именно в первом бою. Дальше – легче.

Кому – как... Полутораухому было совсем не легко. Оставшись без присмотра, он попытался уползти в кусты, но попался на глаза Квашаку и тот, радостно осклабясь, всадил ему в спину отцовское копьё. Потом перевернул Полутораухого (копьем же) и уколол еще раз. В живот. Погрузил неторопливо,

провернул... Полтора Уха жутко закричал. Квашак осклабился еще шире...

Подошедший сбоку Коваль перехватил древко, нажал – и Полтора Уха отправился в ад.

– Ты что творишь? – сурово произнес он.

– Так я это... – Квашак смутился. – Они ж это...

– То они, а то – мы! – строго сказал Коваль. Выдернул копье и подошел ко мне. – Целый?

– Вполне, – ответил я и тут сообразил, что в крови от подбородка до носков сапог.

– Тогда пошли трофеи делить.

Глава десятая

О снах и юных девушках

Заночевали мы здесь же: на хуторе Дубишка.

Сам хозяин пребывал без сознания. Может, оно и к лучшему, потому что выглядел он – краше в гроб кладут, а в качестве обезболивающего здесь использовался удар тяжелым предметом по затылку. Однако Коваль, осмотрев его, пообещал, что все будет хорошо.

В отношении Дубишкова брата такого сказать было нельзя. Это его труп лежал около костра. Остальное население хутора: жена Дубишка, его дочь, вдова брата и детишки – серьезно не пострадали. Мелкий мужичок оказался Дубишковым холопом. Рабом то есть. Он и выдал тайную тропку, по которой убежали женщины с детьми, когда один из мальцов углядел подплывающую лодку Клыча сотоварищи.

Дубишко с братом остались прикрывать отход. Вернее, они рассчитывали договориться. Зря рассчитывали.

Холопа женщины вознамерились убить, но Коваль не позволил. Сказал: вины не вижу. Ну да, выдал хозяев. Но не по собственной же инициативе, а когда поймали и пригрозили огнем. Я его себе заберу, заявил Коваль. Поглядел на меня: может, стану спорить? Я не стал. Мужичок, конечно, гад. Но крови мне на сегодня хватит. И в рабовладельцы пока не планирую. Пусть забирает.

Главным героем дня (вернее, ночи) все считали именно меня. Как же! Ведь это я завалил троих самых опасных членов банды.

Если судить объективно, мне повезло. Не зацепись Клыч за руку Полтораухого, еще неизвестно, чем бы все обернулось. У меня до сих пор перед глазами его прыжок...

Мог бы он меня достать? Пожалуй. Хотя у меня и были хорошие шансы уклониться, но тогда бы и я его не достал. И вполне мог бы схлопотать копьем в спину от одноглазого.

Словом, повезло.

В тот день я еще не знал, что такое везение – важнейшая составляющая здешней войны. Не поединка, а именно войны. В поединке, конечно, тоже бывают случайности. Подвернувшийся под ногу камешек, пролетевший мимо лица жук... Но когда противников вокруг много, роль случайности многократно возрастает. Задача опытного воина – отслеживать их и обращать себе на пользу.

Еще я не привык, чтобы мне кланялись. А кланялись низко и усердно. Впрочем, я на месте этих женщин тоже кланялся бы тому, кто спас меня от надругательства и рабской участи.

Однако благодарность и моральное удовлетворение не были главным бонусом этой войны. Трофеи – вот что главное.

Мне и тут досталась львиная доля. Во-первых, все, что нашлось на телах троих (Полтора Уха тоже вошел в мой список, хотя добил его не я) побитых мною

головорезов. Это – оружие. Два боевых топора, пара щитов, три ножа и дюжина швырковых. Меч Клыча. Он был получше того, что дал Коваль. Хотя бы потому, что лезвие из более твердого металла, чем основа, а дол шире и глубже, отчего и сам меч при тех же размерах почти на килограмм легче. В мою добычу вошли также три шлема, броня разной степени изношенности и качества – по-настоящему дорогой была только кольчуга Клыча. Мне она была великовата, но Коваль обещал подогнать. Еще была изрядная кучка драгметаллов в монетах и изделиях – граммов сто пятьдесят золота и килограмма два серебра. Одежда и прочее считалось мелочью, но одна из этих мелочей была мне особенно приятна: новенькие, почти неношенные сапоги одноглазого из отлично выделанной кожи сели на меня как влитые.

Из общего имущества Коваль самой ценной посчитал лодку. Моя доля в ней была – две трети. Коваль предложил ее выкупить. Или наоборот, мне выкупить оставшуюся треть за мою долю от связки меховых шкурок, найденных в этой же лодке.

Считал кузнец очень скрупулезно, учитывал каждую мелочь, даже мешочек с гвоздями. Время от времени они с Квашаком устраивали консилиум по поводу стоимости того или иного предмета. Пытались втянуть меня, но я уклонился, заявив, что целиком им доверяю. Тем не менее процесс оценки и дележки занял больше часа, и, только разобравшись с имуществом, Коваль занялся ожогами Дубишка.

Затем мы с Квашаком ободрали покойников. Все, вплоть до нательных рубах, было передано женщинам для стирки, чистки и ремонта, а самих жмуриков отдали Водяному.

Выглядело это так: мы с Квашаком погрузили трупы на лодку, отплыли подальше от берега и побросали в воду. Хотя нет, не побросали, а отдали по всем местным правилам – Квашак каждому покойнику разрубил живот топором (малоаппетитное зрелище), каждого сопровождал напутствием, чтоб служил ДЕДУШКЕ верно и старательно, а в заключение произнес короткую речь к самому ДЕДУШКЕ. Суть ее сводилась к тому, что всякий подарок требует отдарка, и ДЕДУШКА, как Водяной с понятиями, несомненно это знает.

Завершив кормление нежити, мы приплыли обратно.

Пока мы хоронили чужих мертвецов, женщины обрядили собственного покойника. И уложили на столе посреди избы.

Так что ужинали мы на улице. Удивительно, однако отданный Водяному Полтора Уха оказался неплохим кулинаром. Еще удивительнее, что котел с ухой (я уже был в курсе, что ухой здесь называли всякий наваристый супчик) во время битвы не пострадал. Не пострадал и мой аппетит. Наверное, действовала окружающая среда. Лужи крови впитались в землю, запах смерти унес ветер. А кушать очень хотелось.

Спать мне предложили в избе, на почетной лавке, но я подумал, что общество трупа и стонущего Дубишки – не лучшее для путешествия в царство Морфея.

И отправился, как говаривали у нас в роте, «давить харю» в привычное место: на сеновал. Там, правда, уже разместился преступный холоп, но я цыкнул – и он смылся.

С ходу приснился кошмар: падающий на меня сверху Клыч. Во сне он-таки срубил мне голову...

Проснулся я в холодном поту... И услышал подозрительное шуршание. Потянулся было к ножу... Но принялся и расслабился, потому что отличить по запаху юную девушку от кровожадного мужика совсем не трудно.

А девушка была действительно юная, очень нежная и трогательно невинная, чем приятно отличалась от моей здешней подружки Быськи. Я помнил, что девчонка вроде как невеста Квашака, но она была такая нежная, такая податливо-доверчивая... Словом, я не устоял. Даже и не пытался.

Надеюсь, ей тоже было хорошо. По крайней мере, я обошелся с ней бережно.

А когда она уснула у меня на плече, я понял, что нашел свое счастье. Нет, не эту милую девушку, хотя признаюсь, у меня уже очень давно не было таких ярких ощущений, и еще дольше – такой искренней и чистой любовницы. Я имею в виду счастье как таковое. То, которое возникает от полноты и осмысленности бытия.

Вскоре я уснул, и никаких кошмаров в эту ночь мне больше не снилось.

Хотя в будущем мрачная тень падающего на меня Клыча посещала не раз.

Что интересно: его одноглазый соратник не снился мне никогда.

Глава одиннадцатая,

в которой герой знакомится с местным бытовым колдовством

Утром я подумал, что неплохо будет сделать моей ночной гостье подарок, но, пока думал, выяснилось, что подружка теперь не моя, а Квашакова. Более того, Квашак остается старшим на хуторе до тех пор, пока не поправится Дубишко.

А вот мы с Ковалем поплывем обратно. Я не спорил. Ковалю видней. Да и с Квашаком мы попрощались сердечно. Знал ли он, что я провел ночь с его невестой? Понятия не имею.

Возвращались мы на лодке Клыча. Свою оставили Квашаку.

Лодка была парусная. Парусом занимался новый холоп Ковалья, мужичок-предатель по прозвищу Завертыш. Коваль руководил. Я наблюдал, полагая, что в будущем навык «яхтсмена» не помешает. Озеро наше длинное, извилистое, если этот эпитет применим к озеру, и очень красивое. В него, как выяснилось, впадали две реки и «выпадала» одна. По той, что «выпадала», можно было добраться до города. Когда я попытался выяснить, как он называется, меня не поняли. Город и город. Там жил князь, там же находился рынок, на который ходили торговать с окрестных хуторов. Вокруг озера их было то ли пять, то ли шесть, не считая нашего. В городе же приобретались всякие полезные товары. Когда я спросил насчет дани (раз есть князь, значит, и дань должна быть), то выяснилось, что дани как таковой Коваль не платит. Данью князю кланялись те, кто жил на княжьей земле. Или те, кому нужен был княжий суд. Дань – это нечто обязательное. Другое дело – подарок. Подарки князю Коваль делал неоднократно. Равно как и подношения жрецам. Хорошим тоном считалось подарить что-нибудь и некоторым уважаемым горожанам. Последние, как правило, отдаривались. Доступ в город был свободен, но те, кто желал торговать, обязаны были заплатить пошлину, которая шла городскому

руководству. Взамен город предоставлял торговцу набор сервисов: место, инвентарь, юридические услуги и т. д.

– Хочешь к нашему князю в дружину пойти? – Коваль сделал собственный вывод из моих расспросов. – Не советую. Князь у нас пришлый. Женился на дочери прежнего, а тот два лета назад ушел с чудинов дань брать, да так и не вернулся. Этого, нового, людины градские не очень-то хотели, но княгиня уж очень за него просила. Вот людь и согласилась. Да только проку от него – как с козла молока. Живет сам по себе, отдельным городком, татей по дорогам не ловит, в походы не ходит, одним только полюдьем побирается. И дружина у него слабая. А ну как нурман придет? То-то городские наплачутся.

– А тебе-то чего? – подал голос холоп. – Чай, досюда не доберутся. Или родня у тебя в городе?

Я удивился. Не ожидал, что Завертыш вот так запросто вмешается в разговор. Раб все же.

Однако Коваль воспринял реплику совершенно спокойно:

– Родни нет, – сказал он. – В Копыни у меня родня. Однако порушат город, с кем торговать буду?

– А на Ладогу поплывешь, – Завертыш уселся на нос и принялся чесаться. Делал он это так самозабвенно, что я сразу понял: безо вшей не обошлось.

Та же мысль пришла в голову и Ковалю.

– Приедем, весь волос тебе обрею.

– Не-е! – испугался холоп. – Не дамся я! Кто власы стрижет, тому удачи не будет!

– Больно у тебя удачи много, раб! – засмеялся Коваль.

– Какая ни есть, а все моя, – обиделся Завертыш. – Вишь, не убили меня намеднича!

– Потому не убили, что я не позволил! – отрезал Коваль. – Спорить будешь, так я те не власы, а шкуру сниму!

Завертыш сник, нахохлился и просидел молчком весь оставшийся путь.

А я подумал: каков бы ни был князь, а надо мне в город ехать. Поближе, так сказать, к цивилизации. И в географии разобраться надо. Завертыш вот подкинул мне знакомый ориентир: Ладога. О Ладоге я слышал. Даже слышал, что их две. Новая и Старая. Копали там что-то археологи. И турнир устраивали в прошлом году, только я не поехал.

– Слышь, Коваль, а какой нынче год?

– Чего?

– Год, говорю, какой?

– Неплохой год, – ответил Коваль. – Рожь должна уродиться. И ячмень. Ежели кабаны не потравят, на зиму изрядно зерна запасем.

Понятно. Летоисчислением тут не утруждаются. Собственно, я даже не знаю, умеет ли Коваль писать-читать.

– Коваль, а ты читать умеешь?

– Чего? – еще один недоуменный взгляд.

– Ну, буквы знаешь?

Нет, не понимает он, о чем речь.

Дай Бог памяти: какая на Руси письменность была в древности? Кириллица? Но это вроде уже после Крещения, а тут сплошь язычники. До того, кажется, руны были... Или нет, руны – у скандинавов. У славян – резы...

– А резы читать умеешь?

– Какие еще резы? – Коваль глянул на меня уже не с удивлением – озабоченно. Все ли хорошо с головкой у воина Николая? Потом вспомнил, что я – чужак, и успокоился. Махнул рукой: мол, не задавай глупых вопросов.

– Давай-ка рыбки возьмем, – Коваль вытянул из-под банки сетку-мешок, в горловину которого были для жесткости вплетены толстые звериные волосы. – Закинем разок – на уху хватит.

Так и вышло. С первого же захода вытянули килограммов пять. И среди прочих – настоящего, пусть и маленького, с локоть, осетра. Да уж, богатая тут рыбалка. Неинтересно даже. Как по грибы ходить. Вышел на край вырубki, накидал побыстрому в корзинку отборных боровиков и подберезовиков – и домой. Никакого азарта.

Азарт появился, когда мы приплыли домой. Коваль как в воду глядел: ночью, пока мы занимались миротворчеством, в гости к Ковалю заглянули кабаны. Ущерб был невелик: проломленная изгородь и пара разоренных грядок. Рейд был разведочный.

Однако Коваль не сомневался, что ночью дикая свинина придет к нам снова.

Вот и развлечение, о котором я мечтал. Никогда не охотился на зверя с холодным оружием. Как-то в голову не приходило.

А что? Может получится занятно...

– Выпей, – Коваль протянул мне деревянную чашку.

– Это что? – спросил я, принюхиваясь. Вареву в чашке доверия не внушало.

– Выпьешь – будешь видеть в темноте, как в сумерках.

– Уверен?

– Я же Коваль! – заявил он таким тоном, будто это все объясняло.

– И что?

– Пей, тебе говорят!

Однако понял, что не убедил. И сам отхлебнул из чашки. Даже не поморщился. Пробурчал: «Больно надо мне тебя травить...»

Тут уж и мне стало неудобно, и я выпил.

Ну и дрянь! Горло ожгло, будто чистого спирта хватил. Мухоморов он, что ли, туда накрошил? Куд-десник!

Ладно. В оружии он понимает. Глядишь, и от зелья его не загнусь.

В засаду на кабанов нам предстояло отправиться вдвоем. Завертыш тоже просился, но его не взяли.

– Без вонючих управимся!

Это было правдой: воняло от холопа изрядно. Но вины Завертыша в этом не было. Его-таки обрили.

Бриться холоп не желал. Чтобы не вступать в дискуссии, Коваль треснул его кулачищем по башке (мужику бы боксом заниматься, имел бы шанс на чемпионский пояс), вытряхнул из одежды (которую тут же отправил в костер) и передал отрубившегося клиента супруге. Вооруженная хорошо отточенным ножом Глушка выскоблила Завертыша наголо. Засим, взявши холопа под мышки, Коваль закинул его в озеро. Вопреки моим ожиданиям, Завертыш не утоп. И даже воды не нахлебался. В озере сразу очнулся. Вылез, мокрый и печальный, как выкупанный кот.

Однако холоповы страдания еще не закончились. Беспощадный Коваль сунул ему нож и велел выбрить также и интимные места, пригрозив:

– Ежели я брить буду, так не только шерсть остригу.

Но и на этом мучения бедняги не закончились. Побритые места вымазали дегтем и оставили несчастного дрожащего холопа еще на часок голышом. Еще час он оттирался песком и глиной (все это время белокурая бестия Быська над ним издевалась – однообразно, но обидно), однако все равно вонял. Женщины его даже в дом не пустили.

А уж в засаду его брать точно не стоило.

Оснастились мы изрядно. Коваль снабдил меня здоровенным копьем с поперечиной. Себе взял еще более здоровенное. И парочку копий покороче. Метательных. Коваль называл их сулицами. Еще он вооружился топором на длинной ручке. Другой топорик, полегче, достался мне. Еще мне был вручен лук с указанием в секача не стрелять.

Не стрелять так не стрелять. Я ожидал более подробных инструкций, но Коваль, вероятно, решил, что правила кабаньей охоты мне известны. Ну да, если верить летописям, у здешних воинов охота – любимое развлечение.

По фиг. После рубки с бандой Клыча что мне кабаны?

Глупая самонадеянность!

Глава двенадцатая,

в которой герой знакомится с его величеством диким вепрем

Коваль и впрямь не соврал. Зрение, на которое я и раньше не жаловался, после его «мухоморского» снадобья заметно улучшилось. А когда взошла луна, я стал видеть вообще замечательно. Будто прибор ночного видения надел. Мы засели перед изгородью. Я предложил устроиться внутри, но Коваль заявил, что этак сами навредим огороду больше, чем кабаны.

Любители свежих овощей не заставили себя ждать. Луна их не смущала, создаваемый шум – тоже.

Первыми появились две свинки. Каждая – размером с крупную собаку. И поперли прямо к пролому. За ними устремились зверушки помельче – поросята.

– Бей! – прошипел Коваль. И я схватился за лук.

Коваль меня опередил. Одна из сулиц нашла свинку.

Более истошного визга я в жизни не слышал. Хорошо, стрела уже ушла, иначе бы я непременно промахнулся. А так визжали уже дуэтом. Если свинка Ковалья билась на земле, то моя дала деру. Второй стрелой я достал поросенка, третья...

Извини, Коваль, ты предупреждал, чтобы я не стрелял в секача. Потому что – бесполезно. Бессмысленно стрелять в таран. Но я все-таки выстрелил. Куда-то попал. И сразу отпрыгнул в сторону, потому что копье мое лежало в сторонке, а голыми руками живую торпеду не остановить. Кабан задел меня боком, вскользь, но я отлетел метра на три и шмякнулся. Тут бы мне и конец, потому что клычищи у кабана были – как обдирные ножи. Спас Коваль. Ну и себя тоже, потому что кабан, снеся меня с трассы, летел прямо на него.

Когда я вскочил, они уже мерились: кто сильнее. И хотя Коваль упирался изо всех немаленьких сил, а у его противника в груди находилось сантиметров тридцать железа, сильнее все равно был кабан. С чудовищным басовитым (никогда не думал, что такое возможно) визгом кабан теснил кузнеца к изгороди.

Мне хватило секунды, чтобы понять, чем закончится противостояние. Изгородь не выдержит и повалится. Вместе с ней – Коваль... И Трушка станет вдовой.

Я еще думал, а ноги уже несли меня вперед. И топор взлетал над головой...

Хрясь!

Я толком не знал, куда бить, потому ударил по голове. Неправильный выбор. Лезвие снесло кабану кусок уха, а затем соскользнуло по щетине, не причинив

никакого вреда. Зато кабан меня заметил. И попытался создать мне проблемы. Но не вышло. Копье не пустило.

Коваль что-то кричал, но за кабаньим визгом я его не расслышал. Хряснул еще раз, по хребту. Кабану стало неприятно, это точно. Но боевого духа он не утратил. Я рубанул еще раз, метя в то же место. Промахнулся. Кабан, хоть и подколотый, на месте не стоял. Хряп! В третий раз наконец получилось. Прилично получилось. Кабан просел на задние ноги и захрипел. Нет, он сдаваться не собирался. Продолжал загребать передними ногами. Но натиск его заметно ослаб. Я обрушил топор на кабаньей загривок. И еще раз. И еще. Я рубил его, как дерево. И ощущение было, как от дерева. Вдобавок – упругого дерева. Прошла, как мне показалось, целая вечность, пока железо восторжествовало над плотью.

Кабан околел.

Я стоял, уронив руки. Даже вчера я не чувствовал себя таким опустошенным. Сил не осталось совсем. У Ковалья тоже. Он выпустил копье и, пыхтя, как спринтер после рывка, уселся на кабанью тушу. Я плюхнулся рядом.

Минут десять мы восстанавливали силы.

Потом Коваль уронил:

– Что ж ты его на копье не взял? Я ж тебе кричал.

Я пожал плечами.

– А, ладно, – отпустил мне грехи Коваль. – Все же ты его добил. Здоровый, зверюга! Чисто тур! – И с тяжким вздохом привел себя в вертикальное положение. – Пойду, чать позову. Надо сразу свежевать, пока теплые. Ты как?

– Притомился я что-то...

Покривил душой. Не умею я свежевать. Видел, как это делается. Но сам такую зверюгу – не возьмусь.

– Что ж, передохни, – разрешил Коваль. – Вижу: притомился. И то сказать: ты ему башку едва ль не напрочь отрубил.

Хорошо быть воином. Почет тебе и уважение. Работать не обязательно. Лучшая доля (в данном случае – потрясающе вкусный поросенок) – тоже твоя. Девки... О девках и говорить нечего. Недотрога Быська наконец-то мне торжественно отдалась. Если бы это случилось неделей раньше, я бы заценил. Но после вчерашней ночи, после девушки нежной и невинной, Быська мне показалась – не очень. То есть все было при ней: и молочная свежесть кожи, и жадность до этого дела, и сиськи приличного размера. Однако невинности не было (что меня, признаться, удивило), и с чувственностью были серьезные проблемы. Чистая физиология и механика. А я этого не любил и в той жизни, и в этой на подобное пошел бы разве что с сексуальной голодухи. Не люблю я, когда меня рассматривают как прибор для удовлетворения похоти. Да еще вдобавок преподносят это как некий драгоценный дар. Хуже только полная фригидность. Ей-богу, от жареного поросенка я получил больше удовольствия.

Быська, хоть и дурочка, а поняла, что я не в восторге. Решила – из-за того, что не девушка. И еще часа полтора рассказывала мне, как ее лишал невинности какой-то могучий волох (надо полагать, местный служитель культа) во время позапрошлого летнего солнцестояния. Романтичное было действие. Даже в косноязычном пересказе Быськи оно меня весьма впечатлило. Тут тебе и огни на озере, и волшба изошренная (не поверю, пока сам не увижу). И даже прирученные волки (тоже не верю: был у моего знакомого волчок – всю квартиру сожрал, включая паркет, но так и не приручился), и запахи непередаваемые. То ли уловив мой скепсис, то ли по природной своей вредности решила меня заодно унижить. Дескать, у волоха стати раза в три побольше, чем у меня.

– Это как у козла, что ли? – наугад бросил я. Наугад, потому что понятия не имел, какая у козла удочка.

Быська же реально обиделась. Попыталась уползти на другой конец сеновала. Однако была поймана и попользована еще раз, грубо и с присущим моему времени искусством глубокого проникновения. Может, до козла-волоха мне и далеко, но определенные сложности при ходьбе у нее будут.

Как ни странно (всегда такому удивлялся), девушке понравилось. Мне – нет. Но подарок я ей утром все равно сделал. В моей доле Клычова наследства имелся серебряный браслетик-змейка. Вот его и подарил.

Счастье было столь бурным, что я забеспокоился: как бы Коваль не узнал о нашей интимной дружбе.

После завтрака выяснилось: Коваль знал. И не только знал, но даже дал дочери добро на совокупление.

– Твоя кровь – добрая, – польстил мне кузнец. – Трех воев побил быстрее, чем чашку сбитня выпить. В женки ты Быську точно не возьмешь, а коли родит девка от тебя мальчика – так и роду нашему прибиток будет. А серебра ей больше не дари. Не балуй. Лишнее есть – мне отдай! – И ухмыльнулся.

Вот такие, выходит, тут нравы... Экзотические.

А через неделю я от Коваля ушел. Вернее, уплыл. Лодку взял Ковалеву – как раз Квашак на ней домой вернулся. Это плавсредство было поменьше, чем у Клыча, и попроще в управлении. Да и парус не заковыристый, а просто палка с тряпкой. Коваль против моего отбытия раньше уговоренного срока не возражал. Оно и понятно: работать я больше не работал (меня не то что не заставляли – даже не предлагали), а кушал хорошо.

Маршрут мне Коваль на куске шкуры сажей нарисовал.

К моему удивлению, он оказался неплохим рисовальщиком. Надеюсь, не попутал ничего. Впрочем, какая разница? Запасов мне нагрузили – на две недели. А кончатся – лес меня точно прокормит. Да уж, неплохо я время провел. С прибитком. Пришел на хутор в чем мать родила, а ухожу в полном воинском облачении (Коваль обещание выполнил: Клычову кольчугу под меня подогнал и в качестве бонуса подарил лук, из которого я подсвинка застрелил), с полными карманами (вернее, поясом, карманов тут не придумали) драгметаллов, на собственном транспорте.

Я еще не знал, насколько переменчива госпожа Удача. Сегодня ты – с полными карманами и при оружии, а завтра – в драных штанах и с битой мордой. И так, может случиться, до самой смерти. То есть – пока не убьют.

Глава тринадцатая,

которая начинается хорошо, а заканчивается, как и следовало ожидать, совсем плохо

Бескрайняя русская земля. Или еще не русская? Ну да ладно, все равно бескрайняя. Два дня я плыл по озеру, пока наконец не свернул на реку. Правда, я не торопился. Раза по два в день причаливал к бережку. Перекусить свежатинкой. Свежатинки вокруг бегало и летало – бей не хочу. Я и бил. То зайчика, то уточку. Рыбку ловил... Стрелами на мелководье. Сеть мне Коваль тоже презентовал, но так интереснее. Разок для разнообразия наловил раков. Очень не хватало хлебушка. Помнится, ржаной лепешкой (твердой, как фанера) меня угостили на хуторе Дубишка после битвы. У Ковалья запасы зерна кончились задолго до моего появления.

Ну да ладно, мы – непривередливые. Уху вот тоже без картошки лопать приходится. А грибной супчик – еще и без перловки. Морковкой меня, правда, снабдили. И репой.

Словом, плыл я три дня в гордом одиночестве – и заскучал. Я – человек общительный. Мне для душевного комфорта надо время от времени с кем-нибудь словом перекинуться... Так что, увидав под вечер бережок с черной тушкой лодки наподобие моей, обрадовался.

И причалил.

Ага! Похоже, гостей тут всегда встречают без дружелюбия.

Первыми на меня налетели собачки. Кудлатые такие кабысдохи, Ковалеву Снежку примерно по колено. Облаяли злобно.

Вслед за собачками появились хозяева. Двое – сразу, третий – чуть погодя. Бородатые такие, внушительные. С копытами наперевес.

– Здоровы будьте, добрые люди! – с широченной улыбкой крикнул я, демонстрируя пустые руки. – Не позволите ли на берег сойти?

– Кто таков? – без намека на улыбку поинтересовался самый волосатый.

– Путник. В город плыву. Из Ковалева хутора.

– Родич ему? – спросил «добрый человек».

Я покачал головой.

Бородища раздвинулась, явив крепкие зубы. Типа, улыбнулся.

– А лодка, вижу, его.

– Его, – согласился я. – Мы поменялись.

– Ага, – осмыслил информацию бородач. – Ну, пойдём в дом, что ли?

Я не стал спорить. Прихватил мешки с оружием и с припасами и двинулся.

По ходу отметил, что хоть старший и шел впереди, но двое других старательно меня пасли. Ну-ну, давайте. Я таких увальней косолапых и без меча, одной палкой успокою.

Старшего звали Первяк. Двух других последовательно: Вторяк и Третьяк. С фантазией у родителей было туговато.

Чтобы избежать иронического «ни кола ни двора», я представился Мыколой. А что, моего прапрадеда небось так и звали.

Усадьба была клоном хутора Ковалева. Только дом собран поглубже: бревна вкривь и вкось, на многих даже кора осталась.

Еще у братьев имелась кобылка. Мохноногое существо чуть крупнее осла. Но спина потертая, значит под седлом ходила. Кобылку я мимоходом приласкал: люблю лошадок.

Кроме братанов в семью входили три дамы разного возраста (одна с младенцем на руках), бабка (с виду сущая ведьма) и выводок детишек от двух до двенадцати.

Меня пригласили к столу. Да, изобилием здесь не пахло. Рыба да грибы. И протокваша в качестве выпить.

Я подумал: не предложить ли что-нибудь из своего мешка: детям витамины нужны, да и вяленая кабанятина – вещь хорошая. Но передумал. Как-то неуютно мне здесь было. Разглядывали меня братаны, будто покупать собирались. Не иначе прикидывали: а не выйдет ли из меня холопа? Не выйдет, парни, не надейтесь! Каждому я подарил по строгому взгляду: братаны потупились.

– Ты это, куда плывешь? – поинтересовался Вторяк. Я его запомнил по мусору в бороде.

– В город, я же говорил.

Это у него склероз ранний.

– Ага. А обратно когда?

– А что спрашиваешь?

– Дык это... – Вторяк явно растерялся. С чего бы, интересно?

– Может, прикупил бы нам холста локтей полста? – вмешался старший.

– Не получится, – я покачал головой. – Обратно я не вернусь.

Братья переглянулись. Похоже, мой ответ им понравился. Интересно, почему? Нет, не скажут.

- А в городе у тебя что, родня? Так, может, попросишь кого? Мы не обидим.

- Нет у меня в городе родни, - сказал я. - Придется вам самим сплавать. Разве далеко?

- Да не, близко, - сказал Первяк. - Так это, работы много.

Вот и поговорили.

Ужин закончился. Для мужской половины. Женщины и дети быстренько набросились на объедки, а мы, как велит традиция, покинули избу.

Смеркалось. Комарики с бодрой песней набросились на нас.

Третьяк пристроился отлить прямо у крыльца. Дикае люди. Сам я отошел к изгороди. Развязал шнурочек... Эх, красота! Деревья шумят, где-то соловей старается, воздух вкуснящий...

Вот в этом приятно-расслабленном состоянии я и получил дубиной по голове.

Очнулся, спеленатый как мумия, на земляном полу избы. Башка гудела. Неподалеку коварные братаны потрошили мое имущество. Рожи у всех троих были по-детски восторженные.

- Зря вы так, мужики, - прохрипел я. - Нехорошо это.

О, кажется, они смутились.

- Ты не думай, - сказал Первач, с восхищением пропуская меж пальцев кольчугу. - Мы не тати. Нам тебя чурь послали.

- Какие еще чурь? - поморщился я. «Чур тебя» - это я помню. А что значит, понятия не имею.

– Так он это, чужак, – заметил Третьяк. – Может, у них чуров и не чтят.

– Дурень! – Первач отвесил брату легонький подзатыльник. – Родичей усопших везде чтят. Как же это – своих не чтить? А кто тогда ото зла оборонит, ежели не твоя родня за Кромкой?

Ладно, с чурами разобрались. Вопрос: почему братаны решили, что я как-то связан с их покойничками?

Я и спросил.

Оказалось – ничего хорошего. То есть еще хуже, чем я предполагал. Намного хуже, чем банальный грабеж.

У братьев возникла проблема. Одному из них светило присоединиться к предкам. Путем непродолжительных расспросов я выяснил, что есть у них некий бог именем Сварог. О нем я слышал еще в своем времени, однако то, что ему приносили в жертву людишек, – было для меня новостью. То, что поставлять людишек на жертвенник должны были его, Свароговы, «дети», это более или менее понятно. А вот что подбирались кандидаты из Свароговой же паствы, это, блин, как-то... не по-родственному. Правда, приносилась такая жертва редко, по специальному указанию главного жреца и строго по жребию. Типа, гонца отправляли в богу-покровителю. Со списком жалоб и пожеланий.

На прошлом сборище Свароговых «детишек» этот самый жребий выпал на Вторяка.

Согласно традиции «гонца» можно было заменить. Аналогичным крепким (второсортный товар богу предлагать нельзя) мужиком. Холопов у семейки не имелось. Купить было не на что. В плен взять? Так все вокруг свои. На общем сборе такой пленник не прокатит. Еще и накажут.

И тут подвернулся я. Здоровый, безродный. Никто, кроме Ковалья, меня не знает. А Коваль на сварожское капище не ходит. Он с огненными духами знается, и бог у него – Хорс. То есть я – идеальный кандидат. Здоровый, толковый. Остается только ознакомить меня с нуждами аборигенов и отправить в горний мир для доклада.

Я оптимизма братанов не разделял.

- А может, все же холопа купите? Деньги у вас теперь есть.

- Не, - помотал кудлатой башкой Первач. - Не успеем. Время вышло. Завтра - жорево Сварогово.

Почему «жорево», я не спросил. Сам догадался. Жрец-жрать-жорево. Простая линейка. Одно неприятно: жорево это - я.

Глава четырнадцатая,

в которой героя подвергают тестированию на жертвопригодность

Дело Сварогово - мужское. Поэтому единственным существом женского пола в нашей экспедиции была кобылка. Если считать и ее, то на языческий праздник пресечения моей жизни мы отправились впятером. Братаны, малец лет десяти и я. В виде груза на кобылкиной спине. Малец был славный, вихрастый такой, белобрысый... В отличие от мрачных братанов (кто был его папашей, я так и не понял), пацанчик охотно со мной общался. Расспрашивал, кто я и откуда? Где добыл столь славные вещи? Я честно ответил, что взял в бою.

- Я тоже стану воином, - поведал мне парнишка. - Я из лука знаешь как бью!

Братья в нашу беседу не вмешивались. На каждом - по здоровенному мешку. Если это подарки Сварогу, то он неплохо живет, этот местный божок. И жрецам его будет что кинуть в котел в зимний период.

Лес сменился болотом, но братанов это не смутило. Топали как по сухому, только лапти в грязюке. Я на всякий случай старался запомнить приметы. Очень надеялся, что мне удастся удрать. Это же несправедливо, если такой парень, как я, будет зарезан во цвете лет какими-то дикарями.

Только эта надежда и придавала оптимизма.

Полночи я пытался избавиться от пут, но вязавший меня Первяк дело знал туго. Облом получился.

Кобылка время от времени косила на меня: как ты там, человек-мешок?

Я говорил ей что-нибудь ласковое.

Братьев я не осуждал. Если бы у меня была возможность в подобной ситуации подменить собственного брата кем-нибудь посторонним, не задумался бы ни на минуту. С другой стороны, если бы кто-то захотел прирезать моего брата ради отправления религиозного культа, мало бы ему не показалось. Но, как говорится, в чужой монастырь со своим уставом не ходят.

Впрочем, и я не иду. Меня везут.

Разок мы остановились, чтобы перекусить. Меня тоже накормили. С рук. Не развязывая. Разумная предосторожность. Когда человеку нечего терять, он способен на настоящий подвиг.

Приехали. Оп-па! Просто как на картине художника Рериха. Капище. Высоченный частокол, украшенный выбеленными солнцем черепами. Над частоколом торчит что-то черное. Типа деревянной башки. На башке – нечто блестящее.

На травке вокруг частокола паслись лошадки. Мирная такая картина. Мне развязали ноги (иначе с лошадки не снять), но тут же спутали по новой – уважают братаны. Опасаются.

Кобылку привязали к колышку там, где трава погуще, а меня, кряхтя и пыхтя, оттранспортировали внутрь. Внесли и с облегчением уронили наземь.

Я тут же извернулся и сел. Ага, тут, оказывается, не один бог, а целое божественное общество. Шесть кумиров поменьше выстроились кружком, а в центре – он. Несомненно, главный, любитель славянской кровушки! Здоровенная почерневшая от времени и грязи деревяшка высотой метра четыре. Прикид у

идола был козырный. На конической башке – что-то вроде зубчатого диска желтого металла, весело блестящего на солнце. Пониже, на шее, плавно переходящей в туловище, ожерелье из черепов. Человеческих. Думать о том, что на этих бусах есть место и для моего вместилища разума, было неприятно. Еще у идола имелся пояс. Похоже – тоже золотишко. Что ниже пояса, я не видел. Заслоняли местные жители, которых внутри капища было не менее сотни. А скорее – более.

Мною заинтересовались. Средних размеров серая собачка подошла ко мне и обнюхала. Оставшийся при мне Третьяк попытался ее шугануть, но та в ответ показала зубки... Вернее, не зубки, а зубищи. Какая же это, блин, собачка? Натуральный волчара.

Я забеспокоился. Несмотря на скромные размеры, такой волчок был много опаснее немецкой овчарки. Я видел, на что способны эти клыки. Если зверюга сочтет меня подходящим для перекуса...

Не сочла. Улеглась рядом и задремала.

Народу все прибавлялось. Но особой тесноты не ощущалось: внутри культового сооружения было довольно просторно.

Ага, это, кажется, ко мне. Первак, Вторяк, пара зверовидных мужиков под два метра росточком и весьма импозантный дед. Дед, несомненно, был здесь главным. Высоченный, широкий, в звериных шкурах с ног до головы. И не жарко ему? На голове, кстати, имелось уменьшенное подобие идолова венца: золотая корона шипами наружу. А уж в самих волосах чего только не было: настоящая выставка экологически чистых амулетов. И в завершение – здоровенный посох, увенчанный таким же желтым шипастым колесиком.

В других условиях я бы, пожалуй, заценил колоритного дедушку, но сейчас слишком нервничал.

Волчок проснулся, вскочил и начал ластиться к служителю культа. Тот принял – как должное.

Дедушка приблизился. Черт, от него исходила такая плотная аура недоброй силы, что мне немедленно захотелось развязаться и дернуть подальше. А лучше

треснуть его чем-нибудь тяжелым.

Эх, мечты, мечты!

Дедушка с достоинством присел на корточки. Глянул мне в глаза... Сразу захотелось отвести взгляд: глазки у дедушки были, мягко говоря, страшноватые. Но терять мне было нечего, поэтому я ответил ему таким же суровым взглядом... Не знаю, сколько мы играли в гляделки (показалось – целую вечность), не знаю, что там углядел в моих зрачках грозный дедушка... Но что-то углядел, потому что выпрямился и сказал звучным таким, красивым (ему бы в церковном хоре петь) басом:

– Этот богу негод!

Давно не слышал более приятных слов!

Первак попытался что-то вякнуть, но дедушка зыркнул – и злодей осекся.

Вторяк сообразил, чем пахнет, и попятился... Недалеко. Уперся в грудь одного из здоровяков. Дедушка ухватил Вторяка за бороду и заглянул ему в глаза.

Несколько секунд – и напряженный трясущийся Вторяк успокоился, даже как-то обмяк.

Нехило. А дедок-то – гипнотизер!

Не исключено, что меня отвергли именно из-за того, что я не загипнотизировался. Впрочем, неважно. Главное – отвергли. Сердце так и прыгало от счастья. Нет, рано расслабляться. Еще не вечер. Могучий дед шепнул что-то одному из зверовидных, показал на меня. Здоровяк взял меня за шкуру (как щенка, честное слово) и понес (не поволок, а именно понес) на выход.

Народ перед ним почтительно расступался. Серенький волчок трусил рядом, время от времени забегая вперед и обнюхивая мои сапоги.

Меня вынесли наружу и неуважительно швырнули на землю.

– Эй, а развязать? – крикнул я вслед здоровяку.

Тот не отреагировал. Ушел. Меня порадовало, что волчок потрусил следом. Его интерес к моей персоне вполне мог оказаться гастрономическим.

Внутри частокола заходили опоздавшие. С мешками, со спутанными овечками на плечах. В некоторых мешках шевелилось. Похрюкивало, кудахтало. Роскошный планировался пир. Меня «богомольцы» игнорировали. Типа, если лежит под забором связанный мужик, значит, так и надо.

Прошло примерно полчаса. Солнце поднялось в зенит. И внутри началось. Запели. Красиво, кстати. Мощно и выразительно. Я аж заслушался. Пение между тем становилось все бодрее: этакий грозный хор не менее чем сотни луженых глоток. Нет, они не орали, а именно пели. Да так, что пробирало до костей. Казалось, даже земля вибрирует, отвечая. Настоящая магия. То, что я слышал в наших церквях, было бледным подобием этого inferнального звука. Волосы у меня на загривке встали дыбом. Еще чуть-чуть – и я бы запел вместе с ними. Без слов. Одним только изначальным первобытным звуком...

С невероятным трудом я вырвался из пут древнеславянского колдовства. Не то у меня положение, чтобы гимны языческие распевать. Слишком велика вероятность, что двое оставшихся братиков меня ничтоже сумняшеся прирежут и скинут в болото. Инстинкт самосохранения окончательно изгнал чары и обострил интеллект... И я обнаружил очевидную оплошность братанов. Связали-то мне ноги поверх сапог. И не так тщательно, как обычно. Спешили. Я активно заелозил ногами, и через несколько минут сапоги с ремнями оказались отдельно. Жаль, я не ниндзя. Эти, если верить фильмам, умеют протиснуться между собственными связанными руками, перегрызть зубами ремни и обрести желанную свободу. Зубы у меня в порядке, но гибкости для подобной гимнастики не хватит.

Сапог жаль, но придется ими пожертвовать. Равно как и портянками, оставшимися внутри. Никогда не пробовали натягивать сапоги со связанными за спиной руками? Попробуйте. Уверен: окружающие изрядно повеселятся.

Я встал. На лужке – одни лошади. Весь народ сосредоточился внутри. Вот и славно.

«Свою» лошадку я нашел без проблем. Вышиб ногой колышек, кое-как взгромоздился в седло. Кобылка не протестовала: стояла смиренно и покорно. Все-таки хорошо, что кони здесь такие мелкие. Будь она сантиметров на тридцать выше – и задача стала бы невыполнимой.

Взгромоздился, зубами выбрал веревку, чтобы колышек не цеплялся, и легонько поддал пятками.

Нет, эта кобылка – просто прелесть. Не задавая лишних вопросов, показала хвост капищу и потрусилась прочь. Так уверенно, что я сразу понял: едем домой. Вернее, к усадьбе братанов.

Дорогу лошадка знала намного лучше меня, потому я заботился лишь о том, чтобы не свалиться наземь.

Часа через два я увидел в лесу просвет. Лошадка заметно оживилась и с шага перешла на рысь.

Ворота были открыты. Мы въехали внутрь. Доившая мелкую коровенку бабка выпучила глаза.

Я соскользнул наземь. Счастливая кобылка устремилась к конюшне. А сообразившая, что происходит явно неправильное, бабка прервала свой общественно полезный труд, завопила, призывая на помощь, и, подхватив кривой деревянный предмет, видимо коромысло, кинулась в бой.

Я поступил негуманно. Очень стыдно бить старую женщину. В прошлой жизни я бы за такое любому руки оборвал. Но выбора у меня, к сожалению, не было. То есть был – оказаться с раскроенной головой. Этот вариант меня категорически не устраивал, потому я уклонился от коромысла и бережно, со всей возможной аккуратностью тюкнул ступней в морщинистый подбородок. Бабка уронила «оружие» и села на землю.

– Прости, бабуля, – сказал я. – Надеюсь, я ничего не повредил.

И устремился в дом. Очень хотелось, чтобы там никого не было. Чертовски не люблю бить женщин. Бог меня услышал. Внутри пусто. Зато – о радость! – я

увидел воткнутый в стену нож. Нет, сегодня мне определенно везет. Я мигом развернулся спиной и принялся перепиливать ремни. Нож был тупой, а я очень старался не порезаться, потому процесс освобождения занял минут пять. Но я все равно успел вовремя. То есть как раз к тому моменту, когда в избу ворвались две родственницы братанов. Да не с голыми руками, а вооруженные. У одной – коса, у другой – серп. Вместе с ними, истошно твякая, обе шавки.

Это было по-настоящему опасно. Руки у меня порядком онемели и держать что-то были не в состоянии. А серп и коса в привычных руках – страшнейшее оружие.

– Спокойно, спокойно... – попросил я, вытягивая вперед руки, кистей которых не чувствовал.

Как бы не так. Без лишних слов обе устремились ко мне. Ну почему в этом мире все такие агрессивные?

Я попятился, оставляя между нами стол и лавки. «Загонщицы» тут же разделались, обходя с двух сторон. Руки закололо тысячами игл. Ощущение крайне неприятное, но представить невозможно, как я ему обрадовался. Еще минутку бы... Я уже и ухват присмотрел – для обороны.

Не получилось. Храбрые крестьянки бросились в бой. Я сместился к той, у которой коса. Длинномерное оружие менее пригодно к использованию в стесненных условиях.

Женщина махнула косой. Профессионально так махнула. Если бы я не увернулся... Но я увернулся, и коса воткнулась в стену. Выдернуть ее бедняжка не успела. Я ударил ее плечом, отбросив на лавку, и прорвался к двери. Одна из шавок в припадке безумной храбрости бросилась мне наперерез, и я с огромным удовольствием пнул ее под брюхо, выкинув из избы.

Свобода! Теперь меня могут гонять хоть полчаса. Но – не будут. Сцепив зубы (больно же!), я поднял коромысло. Сидевшая на земле бабка попыталась воспрепятствовать, но я шикнул – и старушечья лапка отдернулась.

На горизонте появилась третья родственница братьев. Без оружия, но с дитем. И стайка ребятишек.

Я развернулся к избе. Вовремя. Две мои противницы готовы были кинуться в битву... Но одумались. Надо полагать, вид у меня был достаточно грозный, чтобы охладить их пыл.

Я пару раз крутанул коромысло в руке (заодно и кисть размял) и предупредил:

– Не надо меня злить! Недавно я убил троих. Это были воины с оружием. Вас я не убью. Если будете меня слушаться. Поняли?

Коса и серп опустились.

– Ты! – Я указал на ту, что постарше. – Где мое добро?

Глава пятнадцатая,

в которой справедливость торжествует, а порок остается при своих

Не знали они, где мое схищенное имущество. Может, и знали, но заставить их сказать я не мог. Мне даже кричать на женщин при детишках было неудобно. Я обшарил избу, но нашел только свои съестные припасы. Перекусил на ходу. Вся эта орава глядела на меня как на бешеного тигру. Но взглядами мой аппетит не перебьешь.

Наверху, под потолочными балками, я нашел копья. И пару топоров в сенях. И то хлеб.

Заперев плененное семейство в избе – это оказалось несложно, только дверь снаружи подпереть – я отправился на бережок. Лодка была в порядке. Даже заботливо вытащена на песок. Правда, все ценное выгребли. Ну ладно. Придется подождать возвращения братанов.

Под вечер я выпустил бабу помоложе (ту, что атаковала меня с серпом) – покормить и подоить скотину. Под моим присмотром, само собой. Баба косилась на меня опасливо. Не иначе думала: изнасилую. Но насилие над женщинами противоречило моим нравственным принципам. Да и баба мне не очень

навилась. Запущенная какая-то.

Вместо принудительного секса я потребовал козьего молочка. Закусил куском медовых сот. Хорошо!

В этот день братья так и не появились. Пришлось мне «пасти» их семейства еще сутки.

На сей раз я ограничил их свободу двором. Уж не знаю, что бы стал делать, кинься они врассыпную.

Братья (их осталось двое – Вторяка точно в расход пустили) появились ближе к вечеру. Я углядел их издали и быстренько загнал семейство в избу – чтобы под ногами не путались.

Еще издали братаны стали орать, призывая родичей и грозя разными карами за то, что мало наработали.

Я дождался, пока они войдут во двор, и вышел навстречу. С копьем.

Кажется, они удивились. А ведь можно было догадаться, обнаружив мои сапоги (которые они, как выяснилось позже, прихватили с собой), и отсутствие кобылки.

Удивились, но почему-то решили, что численное преимущество им это самое преимущество дает. И схватились за топоры.

Мне понадобилось меньше минуты, чтобы топоры оказались отдельно от братьев, а сами братья – в состоянии нокаута. Чистое избиение младенцев. Однако эти младенцы меня ограбили и приволокли на казнь. Жалости у меня к ним не было ни на грош.

Я их связал и проверил похудевшие вещмешки. К моей немалой радости, там обнаружили мои сапоги. С портянками. Я с удовольствием обулся. Кроме сапог, единственной ценностью в мешках оказалась серебряная фигурка непонятного пола. Ее я тоже приватизировал. Затем вернулся к очухавшимся братикам и немного их побуцкал. Без членовредительства. Просто чтобы

выявить слабое звено. Им, к моему удивлению, оказался старший.

Вот у него-то я и поинтересовался, где мое добро.

Не тут-то было. Жадность сразу прибавила Перваку мужества.

Что же, на этот случай у меня был припасен еще один аргумент.

Я сходил в избу (перепуганные домочадцы шарахнулись, как от маньяка-убийцы), набрал в печке угольков и очень скоро во дворе весело полыхал костерок.

Братья глядели на мои приготовления с большой опаской... Которая сменилась паническим ужасом, когда я, содрав с обоих рубахи, привязал голубчиков к забору и сунул в огонь наконечник копья.

О-о! Они очень хорошо знали, что сейчас будет. И нисколько не сомневались в моей решимости.

Именно на это я и рассчитывал. Честно говоря, я вряд ли смог бы их пытать.

Но, когда я, со словами: «Начнем, пожалуй, с тебя, для начала глазик...» – поднес раскаленное железо к носу Первака, тот забился, как убивец на электрическом стуле, и раскололся. «До самой жопы», как говаривал один мой знакомый, старший следователь прокуратуры.

Через десять минут я уже цеплял к поясу, набитому серебром и золотом, мой славный меч.

Кроме моего добра в схоронке обнаружилось несколько железяк и вполне приличный бронзовый шлем. Его я тоже прихватил. В качестве контрибуции. На этом все. Грабить братанов я не собирался. У них все-таки детишки.

Все добро я отнес в лодку и только после этого отпер дверь в избу.

– Прощайте, девчонки! – бросил я в темноту и покинул «гостеприимное» общество.

Темнело на глазах, а мне еще место для ночевки искать.

Глава шестнадцатая,

в которой герой прибывает в город по имени Город

Город стоял на озере. При слиянии двух рек, по одной из которых приплыл я. Место было выбрано умело и со вкусом. Красивое место. Сказать того же о городе у меня язык бы не повернулся. В строениях преобладал черный цвет. Черный и серый. Довольно высокий зубчатый частокол окружал поселение со всех сторон. Поверх можно было видеть крыши – в большинстве соломенные. Исключение – несколько домов покрупнее и терем-теремок с прилепившейся к нему вышкой. На манер минарета – к мечети. Но у этой деревянной башни были явно другие функции, потому что больше всего она напоминала наблюдательную. На вышке что-то металлически посверкивало. Надо полагать, дозорный. Со стороны озера наблюдались причалы. Немного. Гораздо меньше, чем судов, одно из которых выглядело точь-в-точь как корабли викингов, именуемые драккары[7 - Драккар – парусно-гребной военный корабль викингов VII–X вв. Длина – порядка сорока, а ширина до шести метров. Размеры определялись числом румов (гребных мест). Судходность этих корабликов не уступала храбрости их экипажей. До Африки доплывали. И до Северной Америки. Правда, уже из Гренландии. Средняя скорость драккара достигала десяти узлов, и двухсотмильный дневной переход не считался чем-то выдающимся. Форштевень для устрашения неприятеля украшали изображения какого-либо зверя, чаще всего – дракона, от коего скорее всего и произошло название этого типа кораблей.]. Образцы этих древних чудовищ я видел в музее Осло.

Вокруг города имелась обитаемая зона, больше всего напоминавшая разросшийся дачный кооператив. В отдалении я заметил еще один городок – поменьше. Но тоже – за частоколом. Да, беспокойная тут жизнь, если все вот так отгораживаются.

К причалам я подходить не стал. Встал у берега рядом с такими же лодками, выволок свое плавсредство на песок. Надеюсь, не сопут. На берегу кипела

жизнь. Кто-то выгружал пойманную рыбу, кто-то уже к ней приценивался. Бабы стирали белье, а чуть в стороне другие бабы черпали воду кожаными ведрами. На меня косились, но не заговаривали.

Свое немногочисленное имущество я сложил в заплечный мешок, надел кольчугу, повесил на плечо лук в налуче и двинулся знакомиться с местной цивилизацией. Ворота, крепкие, скрепленные железными полосами, дубовые, судя по всему, были гостеприимно распахнуты. Туда-сюда сновал разномастный люд. В створе, опершись на длинные копыя, скучали двое. На каждом – шлем и куртень с нашитыми бляшками. На спине щит. На привратных башенках я заметил еще двоих. Эти тоже бдили. Надо полагать, осуществляли стрелковое прикрытие.

Навстречу протопали трое могучих бородачей в пластинчатых панцирях, с мечами и топорами на поясах. Стражу высокомерно проигнорировали, а на меня глянули оценивающе. Нет, скорее вызывающе. Вызова я не принял. Никогда не провоцирую незнакомых людей без необходимости. Троица ухмыльнулась, одинаково пренебрежительно, и протопала мимо. Нет, не протопала. Уж топаньем их шаг никак нельзя было назвать. Двигались они мягко, немного враскачку. Ни на что вроде бы не глядели, но при этом контролировали все вокруг. Этакая расслабленная готовность крупных хищников, способных в любой момент реализоваться взрывной атакой. Я оглянулся и увидел, что грозная тройка направляется к причалу с драккаром. Почему-то меня это не удивило. Драккар, кстати, готовился к отплытию. На него грузили бочонки и копченые туши.

Стражники окинули меня оценивающими взглядами:

– Кто таков, откель? – спросил один из них. Вежливо, впрочем.

– Издалека, – уклончиво ответил я. – Мыкола Ляков.

– Из Ляков? – переспросил стражник и посмотрел на приятеля: слышал о таких местах?

– Может, из Ляхов? – уточнил тот.

– Нет, из Ляков, – не согласился я. Мало ли где эти Ляхи... Поймают на самозванстве.

Тут взгляд стражника остановился на мече... и сразу стал подозрительным.

– А это где взял?

– Купил, – отрезал я.

Но стражник не сдавался:

– У кого купил?

– Да из ваших, – я улыбнулся подружелюбнее. – Назвался Клычом.

– Тоже скажешь – из наших, – пренебрежительно буркнул стражник.

– Платить за вход надо чего? – поинтересовался я.

– Нет, – ответил первый. – Торговать ты, вижу, не будешь, нечем. А так – иди свободно. Но запомни: у нас тут строго. Лучше не балуй!

– Да я тихий, – улыбнулся я еще шире, упорно игнорируя подозрительный взгляд второго. – Остановиться где посоветуете?

– Ежели ты человек не бедный, то постоянный двор Тиши Коробца тебе подойдет. Пока прямо иди, а потом спросишь. Любой подскажет.

– Еще вопрос. Я лодку на берегу оставил. Не пропадет?

– У нас чужого не берут, вой! – с вызовом бросил второй. – А у вас?

– И у нас, – не раздумывая, соврал я. Там, откуда я прибыл, даже книгу на скамейке оставить нельзя. – Но есть земли, где – не так.

Тут к воротам подъехала доверху груженная телега, и стражники переключились на нее.

А я прошел в ворота. Надо же, а частокол-то многорядный. Я насчитал в глубину аж четыре кола толщиной вполметра каждый. Seriously ребята приготовились. Значит, есть к чему. Ну ладно, это пока не мои проблемы.

Глава семнадцатая,

в которой герой опять оказывается в обидном положении

Отыскать названный кабак не составило труда. Хозяин мне понравился – услужливый и расторопный. Но еще больше мне понравилось, как тут пахло. А пахло здесь настоящей домашней свежесваренной пищей. Ох как я истосковался по горячему! Запах мясного супчика меня просто покорило. Я выхлебал целую плошку, заедая горячей (мечты сбываются!) лепешкой. Слопал изрядный кус разваренной говядины, запил все это двумя пинтами совсем неплохого пива и почувствовал себя совершенно счастливым.

К сожалению, ненадолго.

Я как раз намеревался заказать еще кувшинчик, когда появились они. Двое плечистых, рослых паренков в сверкающих шлемах с копьями наперевес. Третий воин был помельче – примерно моего размера и телосложения, но его экипировка была выше всяких похвал. Вороненую кольчужку из старательно подогнанных колец перехватывал широкий пояс с серебряными и золотыми (!) бляшками. На поясе имелся меч с красным камнем на оголовье, в небедных ножнах, и длинный нож в обшитом бисерными узорами чехле. Шлем «норманнского» типа, то есть круглый, с «очками», был сдвинут на затылок, и одного взгляда на эту надменную рожу хватало, чтобы понять, кто тут главный. Если на лицах здоровенных недорослей растительность только пробивалась, то у этого наличествовала аккуратно подстриженная бородка и заплетенные в косички усы. Глаза этого типа мне как-то сразу не понравились. Заглянешь в них разок и сразу понимаешь: этому молодцу человека убить – как мне пива выпить.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Дренг – младший воин скандинавской дружины.

2

Норег – норвежец. Древний. Соответственно дан – датчанин, свей – швед. Хотя сами себя они чаще называли не по народностям, а по областям. Ютландцы, халогаландцы и т. п. Посторонние всю эту скандинавскую братию именовали совокупно: норманны или нурманы, т. е. – люди севера. Вероятно, что позже так называли в первую очередь норвежцев. Они ведь самые северные из скандинавов. Норег также означает северный путь.

3

Для тех, кто не в курсе: любитель прицельного молотометания бог Тор ездит на упряжке плотоядных козлов, коих время от времени сжирает. Однако при правильном соблюдении технологии сжора, козлы успешно регенерируют из кучки костей, и процедуру можно повторить по новой.

4

Хольмганг – дуэль по-древнескандинавски. Более подробно – ниже.

5

Гладий (гладиус) – короткий римский меч.

6

Бирюч, он же глашатай, он же вестник... Словом, тот, кто в стародавние времена заменял СМИ, если требовалось довести до населения общественно полезную информацию. Например, объявить кого-нибудь в древнерусский розыск.

7

Драккар – парусно-гребной военный корабль викингов VII–X вв. Длина – порядка сорока, а ширина до шести метров. Размеры определялись числом румов (гребных мест). Судходность этих корабликов не уступала храбрости их экипажей. До Африки доплывали. И до Северной Америки. Правда, уже из Гренландии. Средняя скорость драккара достигала десяти узлов, и двухсотмильный дневной переход не считался чем-то выдающимся. Форштевень для устрашения неприятеля украшали изображения какого-либо зверя, чаще всего – дракона, от коего скорее всего и произошло название этого типа кораблей.

Купити: <https://tellnovel.com/aleksandr-mazin/viking>

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)